

Колме

5
МАЙ
1973

Колосёр
5
МАЙ
1973

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Бессовхозной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР
Издается с 1936 года

**КУДА
ПРИВЕЛА
НАДПИСЬ
НА ТАБЛИЧКЕ** 1

**Даем сигнал
общего сбора** 10

**ВСЕ, О ЧЕМ
ПРОЧТЕТЕ, —
ПРАВДА** 14

**ОСТРОВ —
ЭТО НЕ ОСТРОВ** 28

**ЧТО ТАМ? —
ГРАНИЦА!** 31

**ОРАНЖЕВАЯ
СОБЛЯКА,
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
ЦВЕТЫ** 35

Рисунок на обложке
М. Беломлаицкого

Здравствуй, Пушкин!

Всеволд Азаров

Рисунки
А. Алемши и
А. Харишака

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

СЫНОВЬЯ КОМИССАРА

В мае 1972 года директор 17-й псковской школы Юрий Васильевич Разумов разрешил группе восьмиклассников поехать в Латвию. Разрешил накануне выпускных экзаменов, — до того нелюбимой и важной была поездка.

Заканчивался поиск, начаты красными следопытами еще в 5-м классе, после того, как они впервые прочли на фанерной, потемневшей от времени дощечке в Пушкинских Горах, в музее, расположенном в Святогорском монастыре:

**МОГИЛА ПУШКИНА
ЗАМИНИРОВАНА
ВХОДИТЬ НЕЛЬЗЯ
СТ. ЛЕЙТЕНАНТ
СТАРЧЕУС**

— Семен Степанович! А что было со Старчеусом потом?

— Этого мы пока не знаем. Вот что, ребята, давайте искать вместе!

Из разговора следопытов-псковичей с директором Пушкинского заповедника С. С. Гейченко.

«Как вы уже знаете, родина моего мужа — село Поток...»

Из письма Клавдии Сергеевны Старчеус, полученного пионером некоторое время спустя, когда они действительно уже кое-что знали о Старчеусе.

Поток — село в окрестностях Белой Церкви. Оттуда родом семья Старчеусов. Но родился Гриша не в Украине, а на Тамбовщине, в деревне Покровка Усманского уезда, куда его родители занесли туда, как и многих других безземельных украинских крестьян.

В Покровке застала Старчеусов революция.

Отца Гриши был избран сельской громадой в члены Усманского революционного комитета, или, как в то время сокращенно писали, ревкома.

Партия посылала в разные районы страны продовольственные отряды для того, чтобы реквизировать у кулаков излишки зерна. Начальником одного из таких продотрядов стал большевик Игнат Старчеус.

После окончания гражданской войны семья Старчеусов решила вернуться в родное отцовское село Поток. Но двух сыновей, тринадцатилетнего Павлика и семилетнего Гришу, пришлось пока что оставить на Тамбовщине.

Мать не могла их взять с собою, когда выехала на Украину.

— Ничего, — говорил ей Игнат Кондратович. — Вот обоснуемся в Потоке, я съезжу за ними.

Вышло по-иному... В местах, где жили ребята, вспыхнуло жестокое кулацкое восстание. Его вожаком был бандитский атаман Антонов.

Гаваря шакири мстили всем, кто помогал Советской власти. Активистов и их семьи убивали, дома жгли.

Наверное, и предвзволнованный продкомиссар Старчеус был помечен черным крестом в страшных списках врага.

— Однажды у крыльца остановились кони. Несколько вооруженных людей ворвались в избу.

Антоновцы подозрительно глядели на всех, кто в ней находился.

— Мы ищем старчеусовских щенков! — сказал бандит. — Попадуть, живыми угодим.

— Твой! — спросил чернобородый мужик, по-видимому, главный, живнув на дотей.

— А чья же еще! — ответил хозяин.

К счастью, бандиты поверили. Сели на лошадей и усаkali восковыи.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
республиканская
детская библиотека
РСФСР

Красная Армия разгромила бандитскую шайку. Бойцы четырнадцатой кавалерийской дивизии, возвращавшейся с севера, где они сражались с колчаковцами, остановились в освобожденном селе.

— А вы чьи будете? — спросил Павла и Гришу человек в фуражке с красной звездой, комиссар дивизии.

— У нашего бати тоже такая звездочка, — сказал старший брат.

Распросив ребят, комиссар решил помочь им добраться к отцу и матери. Путь дивизии лежал туда же, на Украину. Детей усадили в повозку, укрыли кожаном. Вокруг, справа, слева были всадники. Ржали кони... Пахло сытным дымком походной военной кухни.

Под защитой красноармейских штыков хлопчики добрались к родным.

ЭПРЕТ
КОММУНА
ПУЛЬ
РОДЕМ.
ВИНТОВОЙ
УТРОИ

В небольшой светлой школевосьмилетке, расположенной на Зональном шоссе в городе Пскове, ученики 5-а класса вели поиск.

Казалось бы, зачем ребятам рождения 1956—1957 годов копаться в событиях, происходивших так давно? А ведь ищут, пыливо, настойчиво!

Отец у Тани Ануфриевой — участник Великой Отечественной войны. И у Веры Ефимовой. А у Лены Бурбуль дед был красным латышским стрелком.

Наверное, еще и поэтому история старшего лейтенанта Старчеуса стала для этих мальчишек такой волнующей близкой.

Был когда-то Григорий Старчеус никаким не старшим лейтенантом, а деревенским мальчишкой, пионером Гришей...

ЗОЛОТАЯ НИТЬ ШЕЛКОПРЯДА

В середине прошлого столетия село Поток принадлежало помещику Василию Тарновскому. Его усадьба расположилась на круче, спускавшейся заросшим деревьями и кустарниками крутояром к огромному пруду.

В 1923 году артель «Молодое село», одним из «фундаторов» — зачинателей — которой был Игнат Кондратович Старчеус, в бывшей помещичьей усадьбе основала центр ТОЗа — добровольного товарищества для совместной обработки земли.

Из разобранного барского дома построили два новых. В одном из них и жила большая семья Старчеусов.

В классе, на белой, вымазанной мелом стене, висели в красивых рамках, под вышитыми полотенцами, портреты Пушкина, Шевченко, Гоголя.

Директор школы говорил своим ученикам: «То, дети, наши, народные писатели... И все они бывали в наших краях. Пушкин приезжал в Белую Церковь, а Шевченко и Гоголь бывали даже у нас, в Поток...»

Гриша особенно увлекался естествознанием. Многие ребята в сельских школах на Украине занимались в то время выращиванием шелкопряда. Гриша тоже решил попробовать.

В библиотеке нашлась нужная брошюрка. Там было написано, что гусеница тутового шелкопряда, прежде чем стать коконом, должна пройти пять возрастных периодов. Для этого требуется немало времени.

Что сделать, чтобы время сократить? Мальчик узнал, что гусеница быстрее превращается в куколку, если ее подкармливать листьями шелковицы и держать в тепле.

Павел, старший брат, посоветовал: «Возьми футляры от икон. Под стеклом для твоих коконов самое лучшее место.

Возьми футляры от икон. Под стеклом для твоих коконов самое лучшее место.

Гриша немедленно воспользовался советом.

Как только заканчивались занятия в школе, он мчался домой и, не успев поест, припадал к застекленным футлярам, с радостью замечая, как прибавляются эти комочки, обитые красивой шелковистой нитью.

Однажды Гриша увидел, как в одном из футляров о стекло бьется бабочка. Откуда она здесь? Только приоткрыл футляр, — бабочка упорхнула. А в углу среди ровных, красивых комочков лежал бурый, весь в рубцах дырявый кокон. Такой дырявый кокон уже не годился для сдачи на фабрику. Ведь с целого, ровного можно размотать до тысячи метров шелковой нити, а этот, с дырочкой, просто надо выбросить, ибо цельной нитки уже не будет.

Пришлось посовещаться с учителем, с товарищами, — не так легко, оказывается, правильно выращивать коконы. Когда Гриша был в 7-м классе, он победил в соревновании — собрал несколько килограммов драгоценного сырья.

Юрий Григорьевич Дусанский, сотрудник газеты «Ленинский шлях», прислал псковским пионерам новый адрес жены Старчеуса Клавдии Сергеевны, переехавшей после войны в Курск.

Адрес Павла Игнатьевича, брата Григория, сообщили ребятам их товарищи, из школы № 16 города Белая Церковь.

Накапливались сведения... Открывались новые подробности жизни Григория Старчеуса.

Мы переписывались с зарубежными пионерами, были частыми гостями на фабриках и заводах.

Занимались в осовиахимовских кружках, стреляли в тире, участвовали в учениях противовоздушной и противохимической обороны.

На первомайских и октябрьских демонстрациях шагали вместе со взрослыми под сенью кумачовых знамен.

Мы пели:

«Раз, два, три,
Пионеры мы,
Мы фашистов не боимся,
Пойдем на штыки!»

Никто не знал, сколько лет оставалось еще нашему народу мирно жить и трудиться. Но все, даже школьники, понимали, что война затаилась где-то невдалеке, что мы должны ее встретить во всеоружии!

...Итак, Гриша Старчеус, в числе других лучших пионеров Киевской области, уезжал с пионерской делегацией Украины на Всесоюзный слет.

Украинская республика любовно снаряжала маленьких делегатов.

Для них сшили праздничные костюмы: матроски, смушковые шапки, нарядные плахты, шахтерские блузы, черные шелковые майки...

Москва встретила их на вокзале яркими транспарантами, медью оркестров. Украинская делегация была одной из самых представительных: в нее входили тысяча сто мальчиков и девочек.

Задорно звучала специально написанная к Всесоюзному слету песня на мотив знаменитой «Картошки»:

«Ну, скажите-ка, ребята,
Вы на слет попали как?
Пионера-делегата
Проследим мы каждый шаг-шаг-шаг...»

А дальше пелось о ликвидации неграмотности, о борьбе за урожай, о всех добрых и трудных делах пионеров.

Улицы и площади украсились лозунгами, плакатами:

**«КАЖДЫЙ РАБОЧИЙ,
КАЖДЫЙ НАРКОМ
С ПИОНЕРСКИМ СЛЕТОМ**

БУДЕТ ЗНАКОМ!»

**«МИЛЛИОНЫ ДЕТСКИХ РУК ДОЛЖНЫ
ПОМОЧЬ ПЕРЕУСТРОЙСТВУ НАШЕЙ СТРАНЫ!»**

И вот настал торжественный день открытия слета. Восемнадцатого августа на стадионе «Динамо» собралась пятьдесят тысяч человек.

С двух сторон, от северного и южного входов, на изумрудное поле вышли две группы — триста маленьких трубочей и двести юных барабанщиков.

Под звуки фанфар, дробь барабанов над стадионом взмыли двести больших полотниц — алых, зеленых, синих, расшитых серебром и золотом.

Среди рапортов делегаций, звучавших через огром-

НА ВСЮ ЖИЗНЬ

В 1929 году золотая нить шелкопряда привела юного пионера села Поток Гришу Старчеуса на Первый Всесоюзный слет юных пионеров.

Задолго до того, как в августе 1929 года пять тысяч юных пионеров съехались со всего Советского Союза в Москву, началась подготовка к слету в селах и городах, в аулах и красных чумах.

Я не учился в сельской школе, как Гриша Старчеус. Но мы с ним одноклассники, и я хорошо помню, как широко и разносторонни были наши занятия и интересы в ту пору.

ные рупора, гремело над стадионом и слово украинской делегации:

«Мы участвовали в подготовке к перевыборам Советов, помогали старшим заставить землю увеличить урожай.

Партия нам сказала — все на защиту полей и садов от вредителей, мы выполнили и это задание.

Вместе с комсомольцами мы боремся за культуру, несем в глухие углы газеты, брошюры, книги.

Три тысячи пятьсот радиоприемники, которые мы поставили, есть доказательство успеха нашей работы.

В красной эскадрилье гудит и самолет, построенный на собранные нами деньги. Верные международному долгу, мы собрали сорок пять тысяч рублей — наш интернациональный взнос на помощь зарубежной детворе.

Год тому назад нас было 475 000 и 85 000 октябрат. До тринадцатой годовщины Октября нас будет миллион!»

Вместе с сотнями ребят Гриша Старчеус получил приглашение на конференцию в Кремль.

На трибуну поднялся седой, в черной шапочке академик Глеб Максимилианович Кржижановский. Ребята знали, что он не только ученый — создатель плана электрификации, но еще и поэт. Русский текст революционной песни «Варшавянка» написан Глебом Максимилиановичем.

И когда этот человек, с седой бородой и юношески живыми глазами, начал рассказ о воспоминаниях о любимых им с детства книгах Жюль Верна, пионеры слушали его речь, стараясь не пропустить ни одного слова.

Двадцать третьего августа в гости к делегатам слета во Дворец труда пришли люди, чьи имена казались советским детям именами из легенд.

Вождь Венгерской Коммуны Бела Кун, любимец молодых революционных рабочих Германии Макс Гельц...

«Мы — пожара всемирного пламя,
Молот, сбивший оковы с раба.
Коммунизм — наше красное знамя,
И священный наш лозунг — борьба!»

Песня международной солидарности звучала под сводами дворца.

А потом слово предоставили жене и верному другу Владимира Ильича Ленина, Надежде Константиновне Крупской.

Она рассказывала о Владимире Ильиче, о том, какими должны быть те, кому дано имя юных ленинцев.

— Ильич, — говорила Надежда Константиновна, — считал для коммунистов самым важным бороться и работать сообща, в коллективе, быть верным идеям интернационального братства трудящихся, всегда помнить, что основная цель рабочего движения — это социализм.

«...Пребывание на пионерском слете произвело на него огромное впечатление. Он часто рассказывал, кого там видел, как разговаривал с Н. К. Крупской.

Очень берег пропуск в Кремль и блокнот делегата.

В 1936 году Гриша закончил в Москве Геолого-разведывательный институт.

Затем зимой работал в Москве, а летом уезжал в экспедицию. И продолжал быть студентом: поступил на заочное отделение исторического факультета педагогического вуза.

Перед войной мы переехали в город Красноармейск в Донбассе.

Там Гриша работал в разведке старых шахт и преподавал в школе историю, я служила плановиком на мукомольном заводе.

Когда началась война, еще читалось по радио сообщение, а он уже просил меня подготовить все для ухода в армию.

Он ушел на фронт 25 июня, оставив меня с четырехлетним сыном. В скором времени их часть была направлена на Киевский фронт.

(Из воспоминаний Клавдии Сергеевны Старчеус)

Лишь в июне 1943 года Клавдия Сергеевна узнала о том, что муж жив. Старший лейтенант, сапер, он воевал на

Григорий Старчеус
(довоенный снимок)

разных фронтах, на Киевском направлении, Орловском, Великолукском, участвовал в прорыве блокады Ленинграда.

Когда в 1943 году был освобожден Курск, Клавдия Сергеевна написала туда своей сестре. К счастью, та была жива. Написал ей с фронта и Григорий. Так они нашли друг друга.

Вот выдержки из фронтовых писем Григория Игнатьевича, присланных ребятам-псковичам его женой.

«8.VII.1943 г. У меня сегодня необычайное происшествие, о котором узнала вся часть

(речь идет о первом письме, полученном из дому после долгого перерыва). Все были рады и все как один приветствовали меня и вообще, надо сказать, я сегодня именинник».

Первое время действовал в области, где моя мама; как она сейчас, неизвестно? Потом в твоей области, только на юге, примерно километров за 60. Потом громил немцев у города Е. (видимо, Елец). Продолжительное время был на З. (Западном) фронте. И в конце 1942 года у великого города, колыбели революции...

«10.09.43 г.

Сегодня в моем подразделении праздник — Донбасс освобожден. Все спешат узнать о своих родных... Я вручил своим бойцам конверты и бумагу для первых писем».

Письмо от 28.9.43 года свидетельствует о том, что саперы, которыми командовал Старчеус, готовили форсирование Днепра:

«Идут ожесточенные бои за переправу, в которых я участвую с первых дней... Уже многих переправил на правый берег, сейчас готовлюсь к строительству моста. Враг обстреливает всеми видами оружия, бросает по несколько сотен самолетов».

И на другой день:

«Мы уже много сделали, но это совсем мало в сравнении с тем, что мы должны совершить. Враг грызет землю, но все дальше и дальше отползает от Днепра. Сегодняшняя ночь была очень тяжелой».

Украина радостно встречала своих освободителей.

В бригаде, где служил Старчеус, так же, как и в других частях, переправлявшихся через Днепр, находились люди разных национальностей: русские, башкиры, узбеки... Судьба великой социалистической Родины была их общей кровной судьбой.

НАГРАДНО Й Л И С Т

Наши части подошли к Днепру. Чтобы овладеть ближайшей деревней на правом берегу Днепра, было необходимо срочно перебросить подкрепление нашим частям.

Командир саперной роты лейтенант Старчеус во-время доставил 25 лодок, организовал переправу. Под ураганным пулеметным, минометным огнем лейтенант Старчеус, руководя переправой и подчас помогая гребцам, переправил за ночь до двух батальонов пехоты с вооружением. Деревня Шучинка была взята на правом берегу нашими частями.

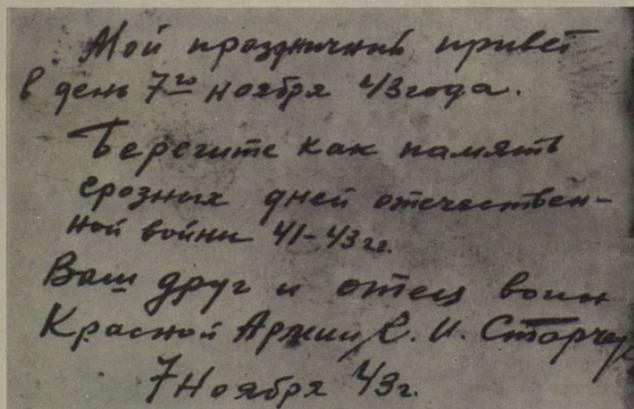
ВЫВОД: лейтенант Старчеус достоин правительственной награды — ордена "Красная звезда".

6. 10. 1943 года.

Старший лейтенант Г. Старчеус (2-й справа в первом ряду) и его боевые товарищи

(фотография прислана с фронта)

Надпись на обороте фотографии

Григорий Игнатьевич в дни наступления писал жене часто.

«7 ноября 1943 года.
...Ведем борьбу уже на правом берегу седого Днепра. Сегодня я получил второй орден Красной Звезды.

Я лично сжег два немецких танка, и это мой подарок в честь 26-й годовщины Октябрьской революции!»

Павел Игнатьевич, старший брат Гриши, сражавшийся в те годы среди партизан, расска-

зал красным следопытам о том, как осенью 1943 года чуть не встретился со Старчеусом-младшим.

Помогая советским войскам форсировать Днепр южнее Киева, Павел случайно повстречал сапера.

— У тебя есть брат Григорий? — спросил солдат.

— Есть.

— Он командует саперной ротой!

Это было в тридцати километрах от села Поток, на Букринском плацдарме. Фамилия Старчеус встречалась в тех местах часто. Павел Игнатьевич не мог тогда с уверенностью сказать, действительно ли судьба едва не свела их тогда с братом.

Повидаться Павлу и Григорию так и не пришлось. А ведь Новый год, 1944, Григорий Старчеус действительно встречал в родных местах, под Белой Церковью, а в январе был среди воинов Красной Армии, входивших в этот город первыми.

Саперы роты Старчеуса глядели на укутанную снегом зем-

лю, в которой таились мины. Земля ждала заботливых рук хлеборобов. Но еще до того, как пахать эту землю, как сеять в ней по зернышку хлеб, к одичавшим ее комьям должны были прикоснуться чуткие руки саперов.

Солнце пригревало солдатские лица и спины. Миноискатели саперов вели свой трудный поиск.

Река Рось глухо стонала подо льдом.

Сколько еще рек, больших и малых, ждало освобождения!

И среди них — Сороть.

ЗДРАВСТВУЙ, ПУШКИН!

Пушкинский заповедник был захвачен гитлеровцами в июле 1941 года и находился в оккупации три года.

Железа спасти заповедник от разрушения, в 1941 году части Красной Армии не вели на его земле боев. Отходя с тяжелыми потерями от границы, советские воины ожесточенно сражались восточней, у Новоржева.

Второго июля 1941 года фашистские самолеты сбросили бомбы на Святогорский монастырь, усыпальницу Пушкина.

В осажденный Ленинград, через партизан, к нам приходили вести о злодействах, чинимых врагами в Пушкинских Горах.

Прежде чем уничтожить Дом-музей А. С. Пушкина в Михайловском, фашисты пытались использовать его в пропагандистских целях: они... объявили, что музей открыт!

Они даже завели книгу для записей отзывов. Были отзывы и попросту курьезные, а по сути кощунственные:

«Мы, солдаты вермахта, побывали в музее и увидели, как жили здесь при царе».

В другой записи какой-то белогвардеец благодарил фашистов за то, что наконец-то получил возможность попасть туда, куда свыше двадцати лет ему не было дороги.

Третья... Мне показалось, что она написана кровью!

Женщина, беженка из Пушкина, где прошла лицейская юность поэта, добралась пешком в места его ссылки... «Жив пушкинский гений! — писала она. — Жив и будет жить ныне и вечно!»

Все время, пока в Псковском крае бесчинствовал враг, партизаны, свободолюбивые земляки Пушкина, продолжали сопротивление.

И поныне вспоминают смельчаков, которые осенью, в первый год войны, открыли в гитлеровском тылу огонь из наших подбитых танков. Они стояли на летном поле бывшего аэродрома, недалеко от Пушкинских Гор... Танки вдруг ожили, чтобы еще раз выстрелить по фашистам. Гитлеровцы так и не узнали, кто стрелял!

В 1943 году, когда по приказу фашистского инженера Йозефа Амеля немецкие солдаты безжалостно вырубали столетний лес Пушкинского заповедника, в одну из весенних ночей одновременно запылали, неизвестно кем подоженные, все штабеля дров.

Не найдя виновных, Амель и его подручные стали вымещать злобу на деревьях, помнивших Пушкина. Пали ели на Пушкинской аллее, пахнущие медом липы на аллее Анны Керн.

Пусть красные следопыты, продолжая поиск, отыщут тех, кто боролся с фашистами в Пушкинских местах! И тогда в народной памяти оживут те, чьим паролем, подпольным именем были «Дубровский» и «Годунов», «Русалка» и «Татьяна»...

В освобождении Пушкинских мест участвовали многие дивизии и полки, подразделения инженерно-саперных бригад.

Среди них продвигался и 26-й отдельный штурмовой инженерно-саперный батальон, второй ротой которого командовал старший лейтенант Григорий Игнатьевич Старчеус.

Окончание следует

СЕВЕР

Н. Заболоцкий

В воротах Азии, среди лесов дремучих,
Где сосны древние стоят, купая в тучах
Свои закованные холодом верхи;
Где волка валит с ног дыханием пурги;
Где холодом охваченная птица
Летит, летит и вдруг, затрепетав,
Повиснет в воздухе, и кровь ее стугнется,
И птица падает, замерзшая, стремглав;
Где в желобах своих гробообразных,
Составленных из каменного льда,
Едва течет в глубинах рек прекрасных
От наших взоров скрытая вода;
Где самый воздух, острый и блестящий,
Дает нам счастье жизни настоящей,
Весь из кристаллов холода сложен;
Где солнца шар короной окружен;
Где люди с ледяными бородами,
Надев на голову конический треух,
Сидят в санях и длинными столбами
Пускают изо рта оледенелый дух;
Где лошади, как мамонты в оглоблях,
Бегут, урча; где дым стоит на кровлях,
Как изваяние, пугающее глаза;
Где снег, сверкая, падает на нас,
И каждая снежинка на ладони
То звездочку напомнит, то кружок,
То вдруг цилиндром блеснет на небосклоне,
То крестиком опустится у ног;
В воротах Азии, в объятия метели,
Где сосны в шубах и в тулупах ели, —

Как всякое настоящее произведение искусства, при первом знакомстве это стихотворение вызывает восхищение и удивление. Этот первый миг, когда мы молчим, когда еще трудно что-нибудь сказать, сформулировать, — самый прекрасный.

Но затем наступает время превращения молчания. Мы перечитываем стихи еще и еще раз, чтобы понять, что же, собственно, нас так восхитило и удивило. Если можно сравнить стихотворение со сложным механизмом (а стихи Заболоцкого и в самом деле похожи на сложный механизм), то нам, читателям, необходимо изучить его устройство.

Вся первая часть стихотворения — 32 строки — одно предложение. Эта громадная синтаксическая конструкция, это величественное, почти архитектурное сооружение, построено с помощью многочисленных придаточных предложений. Подсчитайте: союз «где» употребляется одиннадцать раз!

И едва мы успели перевести дух, поэт строит еще один подобный синтаксический период. И второй период поддерживает первый и продолжает его, как будто мы выдвинули еще одно колено подзорной трубы и увидели то, что лежит «дальше к Северу», за береговой чертой, в океане.

Посмотрите на графический рису-

нок стихотворения Заболоцкого; состоящее из четырех разновеликих строф, не напоминает ли оно раздвинутую до предела подзорную трубу!

Поэт раздвигает перед нами горизонты, дарит нам счастье поэтического зоркого зренья!

И если в первой части стихотворения от нас не ускользают такие замечательные подробности, как снег, который «то звездочку напомнит, то кружок, то вдруг цилиндром блеснет на небосклоне, то крестиком опустится у ног», то в дальнейшем предметы и их значимость укрупняются, растут, перед взором возникают «флотилии огромных ледоколов», «плавающие вместилища чудес», а само стихотворение растет в своем значении, слава человеческого подвига, героического труда и мужества народа, покоряющего и преобразующего природу.

Однако этот подвиг, это «счастье жизни настоящей» требует от человека величайшего напряжения. Даже века величайшего напряжения. Даже птица и зверю приходится трудно в суровом краю: и «волка валит с ног дыханием пурги», и «холодом охваченная птица» падает, замерзшая, стремглав, а лошади похожи на «мамонты в оглоблях». Точно так же «весь оледенелый» самолет «свой тяжкий винт едва-едва вращает», а ледоколы напоминают «бронтозавров каменного века», которые про-

двигаются во льдах, как допотопные чудовища, «бия винтами, льдам наперез».

Сам стих Заболоцкого, кажется, замерзает на глазах, он тоже как бы составлен из каменного льда и «едва течет». Вслушайтесь в звучание стиха «где в желобах своих гробообразных», его гулкость, и впрямь напоминающая ледяной желоб, достигается сочетанием повторяющихся звуков «о» и «б».

Тема диктовала поэту длинное, глубокое дыхание стиха, торжественный, одический ритм и размер. И действительно, это стихотворение напоминает русскую поэтическую оду XVIII века. Вы сами можете назвать поэта, которому через две сотни лет протягивает руку Заболоцкий. Не только тема стихотворения, но и такие его особенности, как обилие «научной» лексики, минералогические и геометрические термины («воздух «весь из кристаллов холода сложен», «конический треух», «цилиндрик») подсказают имя — Ломоносов.

Заболоцкий, как и Ломоносов в свое время, смело вводит в поэзию «непоэтические» слова. Неуклюжее слово «перпендикулярный», которое и выговорить-то не просто (вспомните первое знакомство с ним на уроках геометрии), у Заболоцкого естественно входит в стихи. Современник

Несметные богатства затая,
Лежит в сугробах родина моя.

А дальше к северу, где океан полярный
Гудит всю ночь и перпендикулярный
Над головою поднимает лед,
Где, весь оледенелый, самолет
Свой тяжкий винт едва-едва вращает
И дальние зимовья навещает, —
Там тень «Челюскина» среди отвесных плит,
Как призрак царственный, над пропастью стоит.

Корабль недвижим. Призрак величавый,
Что ты стоишь с твоею чудной славой?
Ты — пар воображенья, ты — фантом;
Но подвиг твой — свидетельство о том,
Что здесь, на Севере, в середине льдов тяжелых,
Разрезав моря каменную грудь,
Флотилия огромных ледоколов
Необычайный вырубил путь.

Как бронтозавры каменного века,
Они прошли, созданыя человека,
Плавучие вместилища чудес,
Бия винтами, льдам наперерез.
И вся природа мертвыми руками
Простерлась к ним, но, брошенная вспять,
Горой отчаянья легла над берегами
И не посмела головы поднять.

Мичурина, Циолковского, Павлова, он
смотрит на природу глазами человека,
обогащенного научным знанием, великими,
социальными потрясениями и научными
открытиями XX века. Природа без человека для
Заболоцкого неполноценна, обделена,
недостаточна. Она — великая арена борьбы,
великая область приложения человеческих усилий.

Если бы под стихотворением и не стояла дата — 1936 год, все равно вряд ли
могли бы мы намного ошибиться, определяя
год его написания. Самолет, навещающий
дальние зимовья, тень «Челюскина», похожая
на «призрак величавый», ледоколы, прошедшие
«льдам наперерез», говорят сами за себя. Не об
этих ли достижениях человеческого гения мечтал
Ломоносов, когда писал:

*Колумбы Росские,
презрев урюмый рок,*

*Меж льдами новый путь
отворят на восток,*

*И наша досягнет
в Америку держава...*

Так в стихах Заболоцкого новое, современное содержание встречается с темой и мечтами старого поэта, еще раз убеждая нас в том, что стихи не возникают на пустом месте, что жизнь человеческого духа и культуры представляет собой единый непрерывный процесс.

А. Кушнер

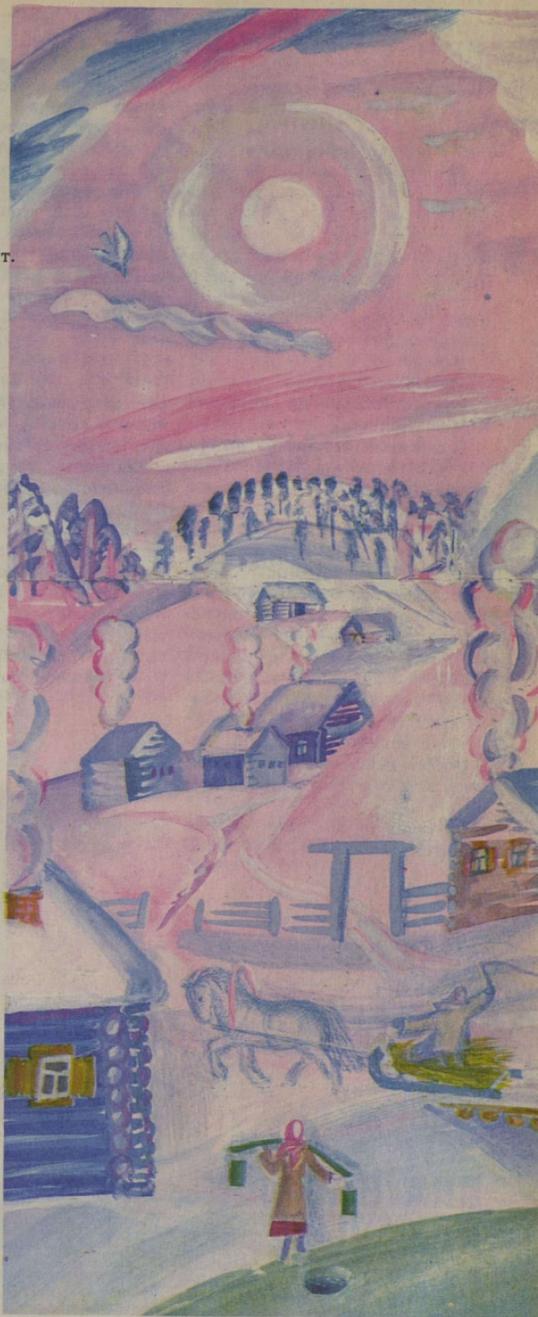

Рисунок М. Басмановой

«ТРИ-СТОП!»

Сигнал общего пионерского сбора.
См. повести А. Гайдара «Тимур и его команда»

ВСЕМ,

ВСЕМ,
ВСЕМ,

кому дорог красный галстук,
кто хочет поразмышлять и поспорить,
даем сигнал ОБЩЕГО СБОРА!

Пароль: „КАК ПОВЯЖЕШЬ ГАЛСТУК, БЕРЕГИ ЕГО!“

Ответственный за сбор —
КОСТА ТЕРКИН.

А раз ответственный, значит, и начал хлопотать. Начал с мелочей, (чтобы от них быстрее отделиться): расставил стулья вокруг большого стола, разложил бумагу, шариковые ручки, включил магнитофон.

И пока все это делал, размышлял. Ну и письмо прислала эти ребята — семиклассники из Соликамска, из школы № 21. Такое письмецо! Сразу и не придумавешь, что ответить. Ребята пишут:

«Нас волнует поведение некоторых учеников, они не носят галстука. Что с ними делать?»

КОСТА ТЕРКИН уже многим позвонил по телефону, напи-

сал открытки: так, мол, и так, просим совета. И теперь ждал, что придет на сбор.

Хлопнула дверь, послышались быстрые шаги. И появился Владимир Блинов, наш корреспондент, а еще недавно пионерский и комсомольский активист. Он только что вернулся из 210-й ленинградской школы — заметьте, тоже от семиклассников, — и блонют у него полон записей.

— Можно почитать? — спросил Коста.

— Давай, — ответил Владимир. Он достал из кармана конверт, вынул из него листок бумаги и начал читать вслух. «...Таня Петрова, Толя Кайсер, Сережа Быковский, Эрик Широков — все в галстуках. Знакомимся. Разговариваем о том о сем, а потом о главном: что ответить соликамцам? Как ни удивительно, ребята находят немало доводов, чтобы носить галстук не всегда. — Все и так знают, что ребята с десяти до пятнадцати лет — пионеры.

— Галстук «идет» не к любой одежде. — На улице, когда ты в галстуке, поглядывают с удивлением, а то и с насмешкой: мол, великоваты для галстука. — Надвал прилеп: «А еще пионер!» Чуть что — сразу попрети.

сил Костя. И прочел вот что: «...Таня Петрова, Толя Кайсер, Сережа Быковский, Эрик Широков — все в галстуках. Знакомимся. Разговариваем о том о сем, а потом о главном: что ответить соликамцам? Как ни удивительно, ребята находят немало доводов, чтобы носить галстук не всегда. — Все и так знают, что ребята с десяти до пятнадцати лет — пионеры.

— Галстук «идет» не к любой одежде. — На улице, когда ты в галстуке, поглядывают с удивлением, а то и с насмешкой: мол, великоваты для галстука. — Надвал прилеп: «А еще пионер!» Чуть что — сразу попрети.

— Галстук «идет» не к любой одежде. — На улице, когда ты в галстуке, поглядывают с удивлением, а то и с насмешкой: мол, великоваты для галстука. — Надвал прилеп: «А еще пионер!» Чуть что — сразу попрети.

— Галстук «идет» не к любой одежде. — На улице, когда ты в галстуке, поглядывают с удивлением, а то и с насмешкой: мол, великоваты для галстука. — Надвал прилеп: «А еще пионер!» Чуть что — сразу попрети.

— Галстук «идет» не к любой одежде. — На улице, когда ты в галстуке, поглядывают с удивлением, а то и с насмешкой: мол, великоваты для галстука. — Надвал прилеп: «А еще пионер!» Чуть что — сразу попрети.

Какая-то доля правды во всем этом есть. Но вот какая доля, большая или маленькая? Действительно, всегда носить или не всегда?

Из старого-престарого номера «Комсомольской правды» выписал такое постановление пионерского форпоста: «Разрешить Маше не носить пионерский галстук дома, в виде исключения, ибо ее родители, воспитанные на предрассудках дореволюционной России, еще не понимают, что значит для дочери пионерский галстук, и потому избивают ее ежедневно».

КОСТА нахмурился и сказал: — Пусть бы кто хоть разок тронул... ребят наших. Он не договорил, бросился встречать гостей. Гости рассаживались вокруг стола, и не теряя времени, обменялись короткими замечаниями. Все было немножко тревожно, и у всех было боевое настроение: письмо из Соликамска всех задело за живое.

Инна Николаевна Кулишова, учительница 210-й ленинградской школы, той самой, где бывал корреспондент, что обдумывала и не торопясь говорить. А заговорила с печалью в голосе, но твердо: — Мой ученик Сережа Ковалев на всю жизнь запомнил день, когда стал пионером. Он

был тяжело болен, и галстук ему повязали дома. Отряд пришел к Сереже.

А потом Сережа тринадцать лет боролся с болезнью. Учился, не выходя из дома, так и школу окончил. Очень гордился своим красным галстуком, очень берег его. Мечтал о том, чтобы хоть разок пройти по улицам в строю отряда. Боролся изо всех сил, но этих сил не хватало, чтобы победить болезнь.

Сережи не стало. Мать принесла мне его пионерский галстук и сказала, что исполняет последнее желание сына — отдать галстук школе, друзьям, чтобы помнили своего пионера.

Я хочу, чтобы мой сын вырос таким же стойким, таким же верным красному галстуку.

Снова зазвонил телефон. Коста послушал, сказал в трубку: «Ладно, ответим!», и объяснил всем, что был за столом: — Ребята из дома тридцать три по Белоостровской улице в Ленинграде спрашивают: если носишь пионерский значок,

надо ли носить красный галстук?

За столом все слушали историю из Ленинградского Дома мод.

— «Идет» или «не идет» галстук к платью, к костюму — выражение неуместное, к красному галстуку неподходящее. Конечно, не стоит носить галстук со спортивным костюмом, с нарядным вышитым платьем, с яркой рубашкой. Но — и только. С пионерской формой галстук хорошо гармонирует. На хуже — и с костюмом и платьем простого фасона из гладкой ткани. Ребята в пионерских галстуках вообще выглядят красиво, нарядно.

Это говорил Константин Васильевич Кудряшов, главный художественный руководитель Дома мод. Майя Ивановна Богачева добавила:

— Вот, посмотрите. Я принесла образцы новых моделей одежды. Позвольте, я их разложу на столе. Вот. Вот. И вот. Видите? Так и вспоминается строчка из стихотворения о красном галстуке: «Как повяжешь галстук, ты светлей лицом».

У КОСТИ ТЕРКИНА был заготовлен сюрприз. В картонной коробке с надписью «Как повяжешь галстук...» лежала магнитная лента, а на ней магнитный голос артистов прошлой годней смены.

ОНА НОСИЛА КРАСНЫЙ ГАЛСТУК

...В 1935 году в четвертом классе школы № 9 города Атырарса Сара-

товской области училась пионерка Вала Мамеева. Была вожатой звена, редактором стеновой газеты.

Валю отец был участником гражданской войны.

Однажды уложили отца Валу на боковую койку. Сказалось старое ранение. Проболел отец недолго и умер...

Отчим возненавидел Валу с того

самого дня, как ее приняли в пионеры.

В слезах представляла себе Вала, как радовался бы ее родной отец, что его дочь стала пионеркой. Угрозы и окрики отчима сменялись издевательствами. Железа мать, Вала мужественно переносила побои отчима.

Вала держалась так, словно дома все в порядке. Приходила в школу

рано. Галстук всегда отлажен, настронено ровное, бодрое. Один только раз Вала чуть не выдала сабу, чуть не проговорилась. Вона Федорко, пионер ее звена, появился в школе без галстука. Завянувший этот факт поразило, что она тут же с возмущением сказала:

— Как можно так неуважительно относиться к галстуку, я и то... — Но

договорить не смогла. Выбежала из класса, разрыдалась.

А произошло вот что. Вернувшись из школы, Вала переделала повесила галстук на стул. Отчим подошел и, недобро ухмыляясь, схватил галстук, скормил и бросил в сундук.

Всю ночь Вала не спала. Горькие слезы душили ее. На щипочках подборалась девочка к сундуку, доста-

ла галстук. Но тяжелая крышка совалась, грохнула. Отчим проснулся, бросился к Вале с мулявками, а галстук отобрал и сунул к себе под подушку.

Когда отчим спал, Вала осторожно выхватила галстук и вышвыльнула из дома.

Почему отчим не хотел, чтобы я была пионеркой, — все время спра-

ВРЕШЬ, НЕ ВОЗЬМЕШЬ

ПОВЕСТЬ

Михаил Мохов
Рисунки Т. Капустиной

Только начни выдумывать, а там пойдет само собой. Выдумка сидит в каждом человеке, ей только свободу дай.

В воскресенье, около восьми утра, седьмой «а» накапливался на подступах к школе. Неподалеку, в переулке, у аптеки, прогуливалась Анька Мотовилова. То один, то другой семиклассник как бы случайно проходил мимо и, не глядя на Аньку, тихонько говорил:

— Топит плиту.

Или:

— Пар идет от котла.

Затем последовало:

— Трубу закрыла.

— Заварила щелок.

— Ушла!

Следующий семиклассник не сообщил никаких новостей, а только спросил нетерпеливо:

— Полезли?

На что Анька твердо ответила:

— Еще рано. Она вернуться может. Я скажу, когда можно.

Загадочные сообщения касались школьной уборщицы Нины Андреевны, которая жила в школе. Накануне Дёма не пошел домой после уроков, а часа полтора сидел на кухне, пил чай и разводил дипломатию. Без особого труда он выяснил планы Нины Андреевны на выходной день. Утром Нина Андреевна протопит плиту, вскипятит воду в цинковых баках и заварит щелок для мытья полов. Потом уйдет к подруге, печь пироги по случаю дня ее рождения. Часа в два вернется в школу. К тому времени явятся две другие уборщицы, и они втроем вымоют оба коридора, верхний и нижний. Классы будут вымыты еще в субботу. Затем уборщицы сходят домой, принарядятся, зайдут за Ниной Андреевной и все вместе отправятся к рожденице.

Все это Дёма пересказал Аньке.

Тайно вымыть полы в школе — это была Анькина идея. Анька вообще забрала в классе большую силу. И оказалось, это вовсе не худо.

Место, где спрятан ключ от школы, знал Дёма. Они с Анькой первые проскользнули в школьное здание с черного хода, за ними — весь класс.

Мальчишкам Анька отвела верхний коридор и верхние марши обеих лестниц: наверх тяжелее таскать полные ведра. Девчонки получили

нижнюю половину здания и сейчас же вызвали на соревнование мальчишек.

Тут уж сразу пошло-поехало.

Из кухни тащили дымящиеся ведра, тряпки, швабры, жесткие веники-голки. По всей притихшей школе слышалось шлепанье тряпок и приглушенный плеск воды. С каменным лицом и горящими глазами, босиком, носилась по школе Анька. Она все замечала, всем указывала, бралась то за ведро, то за тряпку.

Шлеп, шлеп... Дёма внаклонку и на четвереньках мыл и скреб, споласкивал и вытирал насухо широкие половицы, покрытые многими слоями темной охры. Он вымыл конец коридора и двинулся к середине.

Любая работа может обернуться и радостью, и чистым наказанием.

Прошлым летом, в деревне, Дёма окучивал бабушкину картошку. Стояли жаркие дни. Прохлада наступала только вечером, и ребята допоздна бегали, играли, а наутро с трудом продирали глаза. Дёма не высыпался. Работа, кажется, пустяковая: Дёма в одних трусиках сидел верхом, опытная лошадь сама шла вдоль картофельного рядка, а сзади поспешал Дёмин дядя, направляя олучник. Но на Дёму разом наваливались сон и жара, и он начинал кле-

Окончание. См. «Костер» № 4 за 1973 г.

вать носом. Поклюет — и мягко свалится на теплую рыхлую землю, и спит дальше, пока его не разбудит сердитый дядин окрик. Мучение!

На Дёмино счастье, его вскоре забрала на дальний покос бригада старшекласников. Дёма был неплохим кашеваром, это стало известно, когда играли в «Зарницу». На стану он оказался главным человеком.

До солнца, по утренней росе два десятка парней уходили со стана косить. У каждого на плече коса, на другом плече — майка, чтобы повязать шею от оводов. Уходили, плотно позавтракав, а завтрак успевал подать не кто-нибудь, а Дёма. Как только последний косяк скрывался из виду, Дёма бежал на речку, наскоро купался, а потом начинал хлопотать, как заведенный. Дело было не шуточное: попробуй оставь без обеда бригаду, если у нее план, если на нее надеется колхоз. Это не бабушкина картошка.

Когда усталые, разморенные жарой косцы в полдень возвращались на стан, их еще у дальней одинокой сосны поджидали два запотевших ведра с ледяной родниковой водой, заботливо покрытые чистым полотенцем. Сено на нарах под навесом было пышно взбито. По полкам аккуратно разложены учебники и тетради — многим косцам уже пришел вызов на экзамены в институт. А главное, косцов ждало ведро супа и два больших чайника крепкого чая. Только в первый день суп у Дёмы неправильно загустел, а потом дело наладилось и трижды в день косцы от души нахваливали кашевара.

Дёма поднял голову. Последние ведра с грязной водой уплывали в руках мальчишек по

обеим лестницам. В дверях торчали девочки, улыбались и показывали языки. Они управлялись быстрее мальчишек и даже успели вымыть обе лестницы сверху донизу.

К Дёме спешила Анька. Она раскраснелась от беготни и была вовсе не похожа на всегдашнюю Аньку — ехидную, себе на уме. Девочки смеются, когда распоряжаются. Они вообще смешные. Смешнее девочек ничего нет на свете.

— Теллицы! Вытирай насухо и хватит. Пошли в класс! — скомандовала Анька.

Семиклассники сидели за партами на привычных местах. Все они были босиком, все в стираном, латаном, домашнем, и от этого, а может быть, еще от запаха свежeweымытых полов из коридора, в классе было по-домашнему уютно и как-то непривычно. Что делать дальше, никто не знал. Переговаривались вполголоса.

— Мальчишки-то стараются, пыхтят. А мы все равно первые.

— Вы-то уж первые! Кабы вам воду не носили...

— Анька, чего дальше делать будем?

— Не знаю. У Дёмки спрашивай.

Дёма, который оглядывал ребят, словно первый раз видел, пожал плечами:

— А я откуда знаю. Хочешь — давай с нами.

— Вы чего делаете?

— По домам ходим. Говорим, чтобы на газету подписывались.

— На районную?

— Ну.

— А в шею вас не гонят?

— Смотря как говорить. По-хорошему, так не прогонят.

Анька добавила:
 — Телицына всегда слушают. Шофер и тот послушал.
 — Какой шофер?
 Дёма поёжился. Опять Анька за свое.

...В пятницу после уроков Дёма отправился на автобусную станцию. Толпа пассажиров штурмовала автобус. Чемоданы и мешки словно танец танцевали: взад-вперед. Ребятышек с портфелями оттерли, слышались голоса:
 — Школьников не брать! И так места нет.

— Пешком прогуляются.
 — Мы в их годы не такие концы ходили. Дёма пошел к кабине. Шофер сидел, половив руки на рулевое колесо, и через боковое зеркальце наблюдал за посадкой. Дёма набрал воздуха и выпалил:
 — Товарищ водитель! Посадите, пожалуйста, школьников!
 Шофер оглядел его с головы до ног.
 — Ты мне, что лёз?
 Дёма кинул.
 Шофер посомневался, стоит ли отвечать, и лениво сказал:
 — В порядке очереди.
 Дёма вспомнил следующую фразу и снова набрал побольше воздуха.
 — Товарищ водитель! Посадите их, пожалуйста! Им далеко идти, десять километров туда да десять обратно, а потом уроки учить. Они в классе утром засыпают.

Шофер внимательно оглядел Дёма.
 — Ты сам-то откуда?
 — Зелёный, Яринский.
 — Так тебе-то что? Тебе же ехать не надо.
 Тут Дёма, расстроившись, перескочил на фразу, которую Федор Иванович наказывал говорить только в самом крайнем случае:
 — Посадите, пожалуйста. Вас просит районная газета «Заря».
 — Что-о? — грозно повернулся на своем сидении шофер. — Газета? Просит? Ты что мне тут загибашь?
 — Мы помогаем газете, — быстро заговорил Дёма. — Школьники написали письмо в редакцию. Жалуются, что их автобусы не берут. Посадите, пожалуйста.
 И Дёма отошел от автобуса. Федор Иванович объяснял, что ни в коем случае нельзя напирать, стоять над душой. И особенно — радоваться вслух: «Ага! По-нашему вышло!»
 Дёма спрятался за угол.
 Шофер все сидел в кабине. Потом вылез из нее, огляделся и, как бы разминаясь, обошел автобус.

— Сколько вас, дальних? — услышал Дёма его голос и понял, что шофер обращается к школьникам. — Петеро? Я сейчас переднюю дверь открою, залезете. — Шофер заглянул в салон. — Граждане, придется потесниться. Пока дети не садут, автобус не пойдет. Пешком? А сами не желаете? Двадцать километров в оба конда, а потом уроки учить?
 Передняя дверь автобуса с шипением раздвинулась, вусплила ребяташек и закрылась снова.
 — Анька уходила из школы последней. Прислушалась, нет ли кого. Тихо. Напряглась всем телом, крепко надавливая пальцем на кнопку, Анька прикрикнула на дверь записку, которую сочинили все вместе:
 «Полю вымыли наш класс.
 Ищите нас!»
 В первый день канкул Дёма встретился на мостках с Федором Ивановичем. Зимой все встречи происходят на мостках.

— Здравствуйте, Федор Иванович! — Дёма еще издали улыбался до ушей, ничего не мог с собой поделаться.
 — Здравствуй. Что нового? Отпустили вас?
 — Ну.
 — Как успехи? Двойки, тройки и колы — все приятнее мои? А четверки иногда? А пятерки никогда?
 Федор Иванович шутя, даже стиншок сказал. И Дёма легко признался:
 — Две тройки.
 — Так.
 Федор Иванович расспрашивать не стал, и это очень понравилось Дёма. Если бы к нему поменьше приставали с учебой — то мать, то совет отряда, — он бы и учился с охотой. А так получится, что учиться по команде, не сам собой.
 — Наполовину ты уже восьмиклассник, — Федор Иванович шурился, уж очень светло было от снега. Солнца не было видно, но оно скрывалось за облаками где-то поблизости. — Что будешь делать на каникулах?
 — Может, в поход пойдем с Лейей... Концерт сегодня. Только не попасть, сегодня по приглашению.
 — Гм, да. Не просто концерт, смотр. Лучшие номера всего района. Хочешь посмотреть?
 — Ну, Мы все хотим, весь класс... Оля выступает.
 — Это какая Оля? Твоя соседка по парте? — Федор Иванович немного подумал. — Всех провести не могу, концерт для взрослых, но тебя по такому случаю проведу.
 Через два часа Дёма сидел рядом с Федором Ивановичем в восьмом ряду зрительного зала Дома культуры. Место — с краю, до сцены рукой подать. По синему бархатному занавесу уже шли таинственные воли.
 Федор Иванович оглядел зал, увидел кого-то и стал писать записку.
 — Смотри, Дёма. Третий ряд, у самого прохода. В белой кофточке женщина. Видно? Отнеси ей. Скажи — Федор Иванович просит вписать цифры.
 Когда Дёма возвращался, его перехватили чья-то сильная рука, прижала к кожаной куртке. Лея Лопаткина сказала скорговоркой:
 — Трех постарше, с хорошим почерком, — в рабосе, помогать старикам оформлять пенсионные дела. Человек десять — в детской садик, малышей развозить по домам, а то родители не успевают после работы.
 — Который садик? На Подоле?
 — Нет, Садпромхозовский.
 — Ладно.
 На сцене появился ведущий, шофер райпобтребсоюза Гриша Баёв. Он объявил о начале концерта, и занавес раздвинулся, открыв большой, во всю сцену, светлый хор. Три баяниста, кивнув друг другу, расстудили меха баянов. У другой стены, наискосок, сидела компания

парнишек с Подола. Им было лет по шестнадцать-семнадцать. Они учились в техническом училище соседнего района и приехали домой на новогодний праздник. Парнишки громко переговаривались и, глядя на сцену, отпускали остроты.

Федор Иванович посматривал в их сторону.

Каждый раз, когда ведущий выходил к рампе, Дёма незаметно для себя привставал, а потом снова садился. Очередь Оли все не наступала.

Комсомолыцы Арефьевского лесопункта показали сатирическую сценку. Древний старик бойко сыграл на гармонии всеми забытый вальс. Дёма уже решил, что Олю на концерт не отпустили. Вдруг он услышал ее фамилию.

Из-за кулис послышались звуки медленной плясовой, и на сцену, словно прогуливаясь,

плавно вышла Оля. Чем-то озабоченная, опустив голову, она прошла по сцене, и Дёма удивился, — такая тишина вдруг наступила в зале. Зал с первой минуты почувствовал, что каждое Олино движение — неспроста, что нужно смотреть в оба.

На Оле был старинный холщовый сарафан и белая кофта с пышными рукавами, вышитая черными и кое-где красными крестиками. Это был неполный костюм, не хватало передника, платка, украшений, вместо длинной косы было две пушистых, коротких, — живая, а не музейная девочка, вдруг очень повзрослевшая в этом старинном костюме. У Дёмы захватило дух.

Теперь Оля шла переплясом. Она завершила круг, и в руке у нее оказался маленький белый платочек.

Что такое был этот платочек? Почему Оля случайно не заметила его, а потом вдруг заметила и как будто повела с ним беседу, и вдруг резко отстранилась, и забыла о нем, и пошла по сцене одиноко и печально, а платочек, словно отделившись от нее, виновато вздрагивал в ее руке?

Гармонь звучала в напряженной тишине, и даже оттуда, где сидели парнишки с Подола, не было слышно ни звука.

И вдруг что-то случилось на сцене. Как будто кто-то невидимый ухватил Олю за сапожок и сильно дернул назад. Оля покачнулась и, чтобы не упасть, села.

Федор Иванович досадливо крикнул:

— Эх, черт. Гвозды!

Он встал и оглушительно захлопал, а за ним и весь зал. Оля вскочила и убежала за кулисы, и зал долго еще гудел, успокаивался и откашливался, переживая происшествие.

После Оли выступали пожилые женщины из колхоза «Всходы». Они уселись полукругом, в старинных нарядах, почище Олиного, поставили перед собой чудесные расписные прялки и в самом деле начали пряхть. При этом они пели и беседовали.

Парнишки с Подола после Олиного выступления пришли в себя и торопились наверстать упущенное. Они гоготали, фыркали. Их уже унимали соседи. Федор Иванович поднялся, шагнул к ближайшей двери и скрылся за портьерами.

Женщины на сцене запели «Там вдали, за рекой». Дёма удивился, до того непривычно зазвучала знакомая песня. Женщины слегка изменили, словно чуть выпрямили мелодию, пели на четыре голоса, и у них получалась как будто старинная, старопрежняя песня, но про гражданскую войну. Сильно упирая на «о», женщины выводили:

Он упал возле ног вороного коня

И закрыл свои карие очи...

Там, где сидели парнишки, скрипнуло сидение и кто-то громко зевнул.

Женщины закончили номер, низко поклонились.

лись и гуськом пошли со сцены, унося прялки. У рамы появился ведущий. Вид у него был растерянный.

— Выступает сотрудник районной газеты Крапивин Федор Иванович.

Легкий шумок удивления пробежал по залу. Ведущий едва успел установить у рамы микрофон, как Федор Иванович большими шагами вышел из-за кулис.

Он заговорил. С первыми звуками его голоса Дёма нагнул голову, чтобы не видеть сцены, и плотно сжал руки на коленях. Дёма никогда не думал, что самые обыкновенные слова даются Федору Ивановичу с таким трудом. В микрофоне хрипело, клокотало, и каждое слово с натугой прорывалось наружу.

Федор Иванович говорил, обращаясь только к парнишкам с Подола, глядя только в их сторону. И они сидели, застыв от неожиданности, а один, светленький, даже рот открыл.

— В двадцатые, тридцатые годы было мало тракторов, — начал Федор Иванович, и хотя это было странное начало для концертного номера, зал слушал с молчаливым вниманием. — Тракторист был большим человеком в деревне: на него равнялась молодежь. В те годы жил тракторист Петр Дьяков. Он пахал колхозную землю. Эта земля была отобрана у кулаков. Кулаки ненавидели Петра. Они подстергли его в поле. Связали, облили керосином и подожгли. О Петре Дьякове была сложена песня. Мы попросим спеть Ивана Павловича Коробкова.

Иван Павлович, руководитель хора Дома культуры, немолодой лысоватый человек, появился с гармонью в руках и широко, мощно заиграл вступление к песне. Потом приглушил гармонь и запел:

*По дорожке неровной, по тракту ли,
Все равно нам с тобой по пути.
Прокати нас, Петруша, на тракторе,
За околицу нас прокати.*

Мелодия была очень простая, грустная, запомнилась сама собой. Иван Павлович знал свое дело. Он спел небольшим приятным баритоном всю песню, каждое слово выложил на ладонь, и ушел за кулисы. Федор Иванович заговорил снова — резко, стремительно, насколько позволял его глуховатый голос:

— Все думали, что Дьяков погиб. Но он остался жив. Вернулся к работе. Про него написана поэма «Огненный тракторист». Здесь, в зале, сидят молодые ребята. Они учатся на трактористов. Механизатор и сегодня главный человек на селе. Я верю, что из этих ребят будет толк. Что на них будет равняться — во всем! — вся молодежь. Попросим их встать и похлопаем им!

Загремели аплодисменты. Весь зал поворачивался к парнишкам. Те переминались с ноги на ногу, не зная, куда смотреть. Лица у них

были такие, словно их умыли холодной водой и крепко утерли суровым полотенцем.

Федора Ивановича уже не было на сцене. Из-за кулис показался ведущий. Он шел объявлять очередной номер.

Дёма тихоенько выбрался из зала и помчался искать Федора Ивановича.

Он облезли оба этажа и третий — надстройку. Мелькали кулисы, переходы, лесенки. Наконец Дёма очутился в небольшом коридорчике перед кабинетом директора. Здесь было тихо и пусто.

Вдруг в коридорчик вошли двое санитаров в белых халатах, натянутых поверх пальто. Один нес под мышкой свернутые в трубку легкие носилки. Со смутной тревогой Дёма смотрел, как они шли, оставляя мокрые следы на досках пола. Санитары, не постучав, вошли в кабинет, а оттуда вышел молодой долговязый доктор, недавно приехавший в Ярно. Он, не торопясь, достал пачку сигарет, спички и закурил.

— Чего... там?.. Кто... заболел? — запинаясь, спросил Дёма.

Доктор мелком взглянул на Дёма, затянул, медленно выпустил дым и ответил:

— Выступил тут один, поволновался. А у него старое осложнение... Ну и — криз...

— Чего?

— Ну, скажем так: плохо себя почувствовал.

— Кто?

— Кажется, Крапивин фамилия. А ты что, родственник?

Дёма уткнулся в стену и беззвучно заплакал, глотая слезы.

Метелям, по-настоящему, полагается кружить в феврале. Но в эту зиму метели что-то перепутали. Завыло, замело. Дёма не прочь был размяться, поразгребать снег на дворе, но все же не по три раза в день, да по пояс в сугробах. Тут хоть кому надоест махать лопатой.

Вечером снова мела метель. Дёма сидел в передней комнате и быстро писал упражнение по русскому языку. Он торопился, потому что два часа ушло у него на непредвиденное дело. Вот-вот должны были вернуться с киносеанса отец с матерью.

В трубе тонко и задумчиво подвывало и пощивывало. Иногда через сруб слышно было, как покряхтывало стропила крыши. Дёма писал и беспокоило прислушивался — не идут ли.

Хлопнула входная дверь, потом дверь в избу. Родители заходили бы по избе, заговорили бы. А тут — тихо. Дёма выглянул на кухню.

У порога, словно в белом башлыке из снега, стоял Сметанин. Лицо у него было красное, исхлестанное метелью и мокрым — не то от ветра, не то от слез.

— Ты чего? — недовольно спросил Дёма. — Снег-то в сенах бы стряхнул.

Сметанник затоптался на месте.

— Тебя Тимоха зовет.

— На что?

— Надо ему. Он тут, недалеко. Ждет.

Шалаван пришел к Дёме и жлет на улице!

Это было что-то новое. Видать, приспичило. Нужно идти, Федор Иванович обязательно пошел бы. Но Дёма все-таки еще поворчал для вида:

— Больно мне надо с твоим Тимохой лясы точить. Своих дел куча.

Вышли на улицу. Падали крупные хлопья снега. В одну минуту на плечах у Дёмы оказались башлык, почти как у Сметанника.

У общежития строителей, старинного двухэтажного дома, прислонившись к темным бревнам, стоял Шалаван. Он отделился от стены и медленно двинулся навстречу.

— Здорово, — заговорил он первым. — Дай пять. — Шалаван забрал Дёмину руку в свою, осторожно стиснул. Все трое повернулись спинами к ветру.

— В армию прошусь, — Шалаван глянул на Дёму. — Надо письмо написать. Адрес знаешь? — Областная больница, второй корпус, палата одиннадцать, — отчеканил Дёма. Кому Шалаван собирался писать письмо, было ясно и так. — Как же ты, в армию? А мать?

Сметанник поторопился ответить:

— За ней теперь шефы смотрят. С маслозавода девчата. Федор Иванович договорился.

Шалаван явно что-то хотел сказать, подыскивал слова. Как будто толстыми корявыми пальцами пытался поймать, подцепить маленькое и неудобное.

— Ты — вот чего... Может, раньше меня будешь писать... Напиши: Быков, мол, Тимофей передавал привет... Все, мол, в порядке... Как договорились... Пусть не думает. Так?

— Ну, — сказал Дёма. Лицо Шалавана, исполненное ветром, как будто похудело и уже не было таким ненавистным, как раньше.

— Какой номер-то? Палаты?

— Одиннадцать, — повторил Дёма.

Шалаван вдруг круто повернулся и пошел прочь. За ним, то и дело забегая вперед, заглядывая в лицо, заспешил Сметанник. Он что-то говорил Шалавану, но тот не слушал, шел все крупнее.

Дёма постоял и отправился домой. Снова сел писать упражнение и задумался.

Уже давно Федор Иванович лежал в областной больнице. Все это время Дёма собирался написать ему письмо. Два раза усаживался за стол, раскладывал перед собой бумагу, ручку — и ничего не выходило. Говорить с Федором Ивановичем можно было о чем угодно, а писать — стыдно.

Без Оли как-то не по себе, а с ней скучно:

ни о чем не поговоришь — ни про отряд, ни про газету. Прежде незаметно было, что Оля в сторонке от отряда. Кончились уроки — и до свидания. Теперь на нее поглядывают косо. Ладно еще Анька догадалась, и совет отряда поручил Оле подтягивать двоечников. Двоечники приходят к ней на дом. Заглядывать в учебники Оле не нужно. Она может спрашивать правила, растолковывать непонятное — и в то же время замешивать поило для поросенка или стирать половники...

Снова хлопнула дверь.

Дёма слетал на печь, подал отцу и матери сухие валенки. Мать первая заглянула в переднюю комнату, скрипнула дверцей шкафа.

— Отец. Поди-ка сюда.

— Чего там еще? — нехотя отозвался отец. Он только что уселся на свое любимое место, высокий порог между кухней и спальней, и сильно подул в мундштук папиросы, собираясь закурить.

— Поди погляди, чего он тут нафигурял!

Отец пристально поглядел на Дёму. Тот и вправду был как будто не в своей тарелке. Разминая папиросу в пальцах, отец направился в переднюю.

Мать стояла перед висевшей на стене большой и тяжелой рамой.

Там, под стеклом, наклеенные в тесном порядке на пожелтевшую газету, годами висели фотографии близких и дальних родственников Телицыных, — мужчины и женщины, древние старики и грудные младенцы, военные и штатские. Старинные фотографии каких-то благообразных крестьян, о которых уже никто не мог сказать, кто они такие. Любительские снимки со следами неумелой обработки фотобумаги. Для съемки существовали, видимо, твердые правила, потому что все грудные младенцы лежали на простынях нагишом, а если были сняты похороны, то гроб непременно помещался на переднем плане, а за ним, в ряд — родня с глазами, опущенными на умершего.

Теперь пожелтевшая газета исчезла. Фотографии оказались переклеенными на лист красной бумаги. Их не убавилось, но каждый снимок был аккуратно обрезан и уже не лезал на соседей. Рама протерта, стекло вымыто.

Отец равнодушно глянул на Дёмино произведение. Не повышая голоса, позвал:

— Дёмка!

Дёма явился, стал у двери и поглядел исподлобья.

— Чего наделал, проклятуший! — Мать все больше расстранвалась. — Никоторого не найдешь, все вперемешку. А тетки двоюродные где? — ужаснулась она.

— Вон, вниз.

— Почто вниз запыхал?

— Они у нас и не были ни разу.

— Мало что не были. А должен уважать, раз они тебе родные.

Отец принялся разглядывать Дёмину работу и вдруг хохотнул. Дёма удивленно глянул на него.

— Гляди-ка, мать. Он тут свой порядок навел. Всех мужиков, которые в военном обмундировании, наверх понаклеил. Взвод!

— Порядок? — Мать разгорячилась. — Это, по-твоему, порядок? А тетки Анисьи карточка где? А деда Егора? Все похороны прочь выдергал, горе мое. Что люди-то скажут? Мол, память короткая, усопших забываем. — Мать подступила к Дёме. — Куда фотки дел? Чтоб все на месте были, слышал, нет?

— Да ну их, гробы-то...

— Какие такие гробы? Тетка твоя родная да дед!

— Они и так есть, вон на других снимках. И живые.

— Научился с матерью куриться! Сам-то дохлый, погляди на себя! Куска не проглоти, все ему куда-то надо. А в типографию по вечерам чтобы больше не шлялся! И весь разговор!

— Один раз всего были-то...

— Нечего было и ходить.

— Так ведь газета в две краски! Праздничная! Пока напечатают, пока высохнет... Семь тысяч двести штук, каждую надо пополам сложить. Называется — сфальцевать. Тете Нюше не справиться: поезд — ноль сорок.

— Дневным бы отправили, не велико дело.

— Как же, мам! Федор Иванович говорил — надо, чтобы с утра люди читали.

Мать снова повернулась к раме и продолжала рассматривать снимки, делая все новые горестные открытия:

— Троюродника вон куда загнал. Нет, погоди, я до тебя еще доберусь, кислу шерсть вывадлю. А прадедушку начто особо наклеил? Фотография худенькая, ломаная. А он, на-ка, вывесил посередке. Глядите, мол, люди добрые, у нас и снимка путного нету. Пускай в уголку и был бы!

— Прадедушка? — взвился Дёма. — Он с Колчаком воевал! Его белые шомполами пороли! Не понимаешь ничего, а говоришь!

— Отец, что молчишь? Вишь, как он мне отговаривает!

— Матери не перечь, — нахмурился отец. — Она правильно говорит. Человек родней крепок.

Тяжелый подзатыльник будто припечатал отцовские слова. Дёма, больно прикусив язык, вылетел на кухню. С ходу сорвал со стены полшубок и шапку, выскочил в сени. Оставалось одно — на повесть, поглубже в сено. И уж там приходило к себе, думать.

Время шло медленно, по капле капало в менту. Сено пахло не по-летнему, еле слышно, — мороз связывал все запахи. Из избы выходила мать, звала строго, но уже не сердито:

— Дёмка! Живо домой! Слышишь ай нет?

Вышел отец, окликнул:

— Эй! Хватит пятки морозить.

Крючок на ночь не накиннули, и Дёма, неслышно ступая в валенках, пробрался в избу. Залез на печь и мгновенно уснул.

Утром вчерашнее не поминали.

В девятом часу утра школьное здание уже ярко освещено. Печки протоплены, в классах тепло. С улицы не видно, есть кто-нибудь в классе или еще никого нет.

Дёма, как всегда, подошел к школе затемно. Навстречу неслись удары топора: уборщица Нина Андреевна готовила растопку на завтрашний день. Дёма зашагал прямо к дровяному сараю, на ходу помахивая портфелем.

Нина Андреевна распрямилась и сказала нараспев, на весь тихий и темный школьный двор:

— Выспался мой помощничек.

— Здрасьте, Нина Андреевна, — деловито и независимо отозвался Дёма.

— Колоть будешь? — спросила Нина Андреевна, отдавая топор. — Много-то не коли, хватит. А я побегу, надо в плиту подложить.

Поколов с четверть часика, Дёма унес топор в сарай и там безошибочно всадил его в темноте в запасную колоду. Но запереть сарай не успел. От школы ясно донесся голос Оли:

— Дёма! Скорей!

Это было удивительно. Они с Олей в последнее время не разговаривали. Чего это он ей понадобился?

— Скорей!

Оля исчезла. Что там такое стряслось?

Дёма бросился к крыльцу. Одна дверь, другая, он ворвался в кухню — и застыл. На него с отчаянными лицами замахали руками Нина Андреевна и Оля.

Из коричневой полированной коробки репродуктора звучал знакомый глуховатый голос.

Федор Иванович!

Где-то там, далеко, он к кому-то обращался, с кем-то беседовал:

— ...занятная это штука, знаете, — гироскоп. Устойчивая. Сохраняет плоскость вращения, хоть ты что с ней делай. Не падает. Не отклоняется. Да. Вот именно этого я пожелал бы выпускникам школ. Оставаться верными себе. Своей цели, своим убеждениям. Ну, конечно, это не просто. Жизнь испытает не один раз...

— Давно говоришь? — шепнул Дёма.

— Только включили, не знаем, — шепотом ответила Нина Андреевна.

— ...Есть скрытые враги, с виду безобидные, — продолжал Федор Иванович. — Скука, например. Неверие в свои силы. Да мало ли... Всею этому нужно уметь сказать: «Врешь, не возьмешь».

Федор Иванович перестал говорить. Женский голос мягко подхватил:

— На этих словах мы и остановим ленту магнитофона. Пусть они прозвучат как завещание старого учителя...

Дёма непонимающими глазами обвел кухню.

— Нет, не грустный конец у нашего очерка, — продолжал женский голос, — потому что смерть не может...

Смерть?

Вдруг Дёма перестал слышать. Кухня, школа, все Ярино наполнилось странным безмолвием. И откуда-то издалека, с Северного полюса долетел еле слышный женский голос:

— ...передачу на педагогические темы. Через несколько минут — областные последние известия.

Известия! Какие еще могут быть известия...

Дёма опустился на скамью, уронил на руки голову и зарыдал, как никогда в жизни не рыдал, — в голос. Нина Андреевна, с мокрым от слез лицом, обняла Дёму рукой и показала глазами Оле на ковшик. Оля зачерпнула воды, подала ковшик и тоже заплакала.

Хлопала дверь, в кухню набивалось все больше ребят. Все молчали. Собрался, должно быть, весь седьмой «а», потому что было очень тесно, задние напирали на передних, и передние толпились у самого стола. Закусила губу Анька. Хмуро торчал возле плиты Васька Матов. Ребята не сговаривались, не звали друг друга, но все они были здесь, весь отряд.

Дёма помнил долгие зимы, когда каждый месяц тянулся, как год, и все никак не приходила весна. А тут оглянуться не успели — весна на дворе. Утренники еще сковывали землю, но днем со всех крыш и застрех, как воздушный десант, сыпались капли. Чирикали воробьи. Матери посылали ребятнишек на крыши сараев и бань сбрасывать снег.

Каникулы были отложены до половодья, чтобы школьники зря не пропускали занятий. А в Ярине, как всегда, устроили праздник проводов зимы.

На площади, возле магазина обуви, Дёма увидел неизменную тройку соловых — серых с желтизной — лошадей. На тройке катали всех желающих. Раз праздник — значит и тройка. Катать должен был дед Платон, но Васька Матов быстро сговорился с дедом, и тот отправил спать. Васька был известный лошадиник, лошадей ему всегда доверяли.

Пассажиры еще не заполнили широкие низкие сани. Сидела только одна толстуха в яркой, синей с серебром шали. Возле саней стояла Оля Егорова и о чем-то говорила с Васькой.

Дёма спросил у Васьки:

— Почему билет?

И, не ожидая ответа, смазал Ваську по шапке. Шапка слетела, покатилась по гладко уезженной дороге, открылась Васькина коротко

остриженная голова. Васька закричал, заругался, поднимая шапку. Потом уселся чуть ли не на задние ноги лошадей и стал разбирать вожжи.

Оля не хотела ехать, но в последний момент Дёма толкнул ее в сани и сам повалился на сено. Оля ахнула, тройка рванулась и покатила по главной улице. Побежали мимо длинные ряды столов, на которых торговали чаем и взваром из самоваров, горячими блинами, сметаной, медом, брагой и молоком. Замелькали ярницы, гуляющие кто в одиночку, кто парочками, кто шумной компанией с баянистом. В лицо ударяли ледышки из-под копыт, встречные махали руками, и все заглушала громкая музыка из репродукторов.

Оля сняла отсыревшие варежки, и Дёма забрал ее руки в свои, стал греть. Тройка мчала с холма на холм. В дальнем конце улицы, у молокозавода, она лихо развернулась, так, что сани затрещали и накренились, и понеслась обратно. Васька покрикивал на соловых и свистел. Он обернулся к Дёме.

— Не раздумал?

— Не.

— Полезешь?

— Ну.

Васька покачал головой.

— Гляди!

Проехали еще немного, и Васька натянул вожжи. Сани приостановились, Дёма и Оля выбрались из саней, и тройка умчалась.

Перед Дёмой и Олей была площадь, посередине которой поднимался в просветлевшее голубое небо высокий гладко оструганный столб. Его ставили каждую весну на празднике проводов зимы, и яринские ребята заранее знали, что на верху столба непременно будет подвешен какой-нибудь приз. Например, самовар. Или хромовые сапоги, которые можно обменять в магазине, если размер не подойдет. На этот раз на верхушке столба покачивался в футляре, на ремешке, фотоаппарат «Смена». Дольез доверху, синими призами — и он твой. Только не проста эту штуку — долезть...

В сереньком бумажном свитере, коротковатых брючках и толстых шерстяных носках, у которых пятки были обшиты синими квадратиками плотной материи, Дёма обнял столб, и его ноги отделились от земли.

Сразу же ему показалось, что кто-то тяжелой подпрыгнул снизу и повис у него на плечах. Одолевая тяжесть, не торопясь и не оставившаяся, Дёма полез по столбу.

Он лез и лез, перекидывая вверх то ноги, то руки, и со стороны казалось, что он вовсе не тратит сил. В толпе говорили:

— Гляди, половина ужо!

— Выдохнется.

— Многие пробовали.

— Не упал бы. А то закружится голова...

— Упадет — поймаем.

Силы уходили быстрее, чем приближалась верхушка. Дёма сильно вспотел, шипало глаза. Потом вдруг пахнуло ветерком, и столб как будто начал легонько раскачиваться.

Внизу переговаривались:

- Мальчонка-то ничего, бойкий.
- Легкий ведь. Перышко. Это если нам с тобой ползти...
- Чей такой?
- Телицына, с автоколонны.
- Механика?

— Ну.

— Гляди, куда забрался!

Метрах в трех от верхушки Дёма остановился. Он обвис на столбе, закрыв глаза. Сил не было совсем. И сразу стало казаться, что ребята о нем забыли. Ушли, убежали куда-нибудь с площади. Что-нибудь случилось, — мало ли что может случиться, — и все ушли.

Дёма глянул вниз.

Толпа заметно выросла. Дёма был виден всем семи яринским холмам, и чем ближе он подбирался к верхушке столба, тем больше людей стягивалось к площади, — посмотреть на счастливого, который заберет — просто так, ни за что ни про что, — отличный фотоаппарат.

Счастливец же висел между небом и землей, как спелое яблоко, которое вот-вот упадет вниз.

Подступали слезы. А слезы — это конец.

У самого столба, задрав голову вверх, стояла Оля. Она держала Дёмину полшубок. Чуть подальше плотной кучкой толпились семиклассники. С ними был Леня Лопаткин.

И вот Леня взмахнул рукой. Дёма услышал негромкое, отчетливое, сказанное многими голосами слово:

— Впе-ред!

Дёма стиснул зубы и — перекинул вверх по столбу чужонные, чужие ноги. Потом — руки, тоже чужие и чужонные.

И вдруг стало легче. Столб заметно суживался к верхушке.

Что-то легонько стукнуло Дёму по локтю, он вздрогнул и осторожно покосился. В воздухе, совсем рядом, покачивался темно-коричневый футляр.

Еще минуту — и таким коротким, легким движением Дёма снял ремешок с гвоздика. Перевесил себе на шею.

Сейчас же снизу заорали, засвистели, захотали:

— Дёмка!

— Ого-го!

— Телицын, ура!

Теперь Дёма уже не висел на столбе. Он сидел под самой верхушкой, плотно обхватив столб.

Видно было далеко. Ярино как на ладони. Зеленые, черные, голубые леса вокруг. Даже дальняя гора, куда уже несколько раз ходили на лыжах с Леней, и та была видна. От села до самой опушки леса везде лежал снег, уже не зимний, ослепительно белый и сухой, а весенний, серый и влажный. Воздух тоже был весенний. В районном парке кричали вороны.

Дёма поискал глазами дом Федора Ивановича, но его не было видно, он был где-то за холмом. Зато хорошо был виден зеленый домик редакции и голубой — типографии.

— Дёмка-а! — донесся снизу Олин голос.

— Те-ли-цын!

Дёма в последний раз огляделся и засколь-

зил вниз, не торопясь, чтобы не обжечь ладони о столб.

— Стоп! Ногу давай! — и Леня Лопаткин в воздухе мигом надел валенки на Дёмины ноги. Дёма стал на снег и еле успел надеть полушубок, как на него навалились. Его хлопали по спине, тискали, что-то трубили в самое ухо. Топчась в этой давке, Дёма все же изловчился, засунул руку во внутренний карман. Есть!

Часы Федора Ивановича — вот что там было. Карманные часы с двумя стальными крышками. Хозяина уже нет на свете, а они все не сбиваются, идут минута в минуту, и все ребята, у кого есть часы, ставят по ним время.

Ходят, тикают, как живые.

ОТ АВТОРА

Все, о чем вы только что прочли, — правда. Изменены только имена и фамилии. Изменено и название далекого северного села, где я работал в районной газете. Я хорошо знал и Федора Ивановича, и Дёму, и Шавлану, — хотя звали их иначе.

Что было дальше? Дёма Телицын вырос, ушел в армию, а потом вернулся в Ярину и пришел в районную газету, стал заведующим отделом писем. Это та самая должность, на которой трудился Федор Иванович.

К тому времени меня уже не было в Ярине, но Дёма писал мне, что юнкеры — юные корреспонденты — развернулись по-настоящему. Они не просто сочиняли заметки в газету. Они создавали своими руками то, о чем стоило написать. Наверное, в юнкоровской школе было интересно, иначе в нее не записалось бы больше сотни человек.

Яринские ребята нашли занятие по душе.

А как дела у вас? В вашей деревне, вашем городе? Тем, кто еще не нашел занятия себе и своим друзьям, можно дать такую телеграмму:

«Настоящее дело найдешь в точке пересечения двух прямых: прямой интереса и прямой пользы».

Если вам интересно и если при этом ваши дела уважают взрослые, — значит, все в порядке.

Сколько таких интересных, полезных игр я видел! В одном колхозе ребята взялись охранять от поправки огромный заливной луг. И сделали из этого игру — в пограничную заставу. Понадобилось заниматься физкультурой, развивать выносливость, выдержку, наблюдательность. Понадобилось научиться водить мотоцикл и автомашину.

В лесном поселке ребята устроили шахматный клуб. Все было: и турниры, и занятия теорией, и игра по переписке. Но главное — ребята втянулись в шахматную игру взрослых, лесорубов. Было в поселке скучновато — а стало интересно. На матчи двух сборных команд — взрослых и ребячьей — собиралось все население поселка.

В другой поселковой школе на заработанные деньги купили два магнитофона, создали радиотеатр, и передачи местного радио стали необыкновенными, такими, что люди боялись пропустить очередную передачу.

А в одном городе ребята двух седьмых классов организовали вечернюю детскую комнату. Любой родитель из соседних домов мог привести на часок-другой своего малыша, пойти в кино, на лекцию, за покупками. Ребята сберегали взрослым главное — время, а малышам — радость.

А вы что придумали? О чем догадались? Кому помогли? Чем заслужили доброе слово?

Напишите в „Костер“. Мы будем ждать ваших писем.

М. Мохов

ТАК ПОСТУПАЮТ ПИОНЕРЫ

В годы Великой Отечественной войны Николай Федорович Федоров был командиром партизанского отряда.

Этот отряд входил в состав «Бригады неуловимых», действовавшей на территории Белоруссии, временно оккупированной фашистами. Вместе со взрослыми в партизанских отрядах нередко сражались и подростки. А многие ребята — те, кто жил в то тяжелое время в захваченных врагом деревнях и городах, старались, чем могли, помочь партизанам. Николай Федорович вспоминает о юных героях, которые храбро сражались с фашистами.

Николай Федоров

Было это поздней осенью 1942 года. Мы — пятеро партизан — получили боевое задание: взорвать железнодорожное полотно, пустить под откос фашистский состав. Задание было не простым, потому что действовать нам предстояло в незнакомом месте, вдали от основной партизанской базы.

Свершив долгий переход по лесу, мы вышли к реке Дриссе. Тонкий ледок уже прихватил кое-где широкую речную гряд. Берега реки были пустынные — только на другой стороне сиротливо приткнулась к отмели рыбацкая лодка. Где-то там впереди, за рекой, и пролегал железнодорожный путь.

Стояла тишина, лишь шуршали под ногами олапавшие листья.

Варуг шевельнулись прибрежные кусты и перед нами возникла маленькая фигурка. Это был мальчик лет десяти, в поношенной, длинной, наверно с отцовского плеча, телогрейке, в потрепанной шапке-ушанке. Он с любопытством уставился на нас.

— Как звать тебя, малец? — спросил я.

Мальчонка не ответил.

— Однако ты неразговорчивый... Сколько же тебе лет?

— Скоро десять стукнет, — нехотя сказал он. Испуг и недоверие мелькнули в его глазах. Негртытые, увешанные оружием, мы, и правда, выглядели страшновато.

— А что же ты один тут делаешь?

— Не видите, что ли? Рыбу ловлю.

— И много в этих местах рыбы?

— По первому льду чуть ли не каждый день

рыбало. Рыба у нас хорошо ловится. Бывает, столько окуней надергаешь, что еле до дома тащишь.

— Ну, а звать-то тебя все же как?

— В деревне Ферাপонтом кличут.

— Ну и имечко тебе дали! Не позавидуешь!

— Дяденьки, а вы кто будете? — немного осмелев, спросил мальчонка.

— Мы партизаны.

— Правда? Дяденьки, правда? — радостно воскликнул мальчик. — Я еще ни разу настоящих партизан не видел. А не обманываете?

— Видишь, у нас автоматы? Значит — партизаны.

— Да-а... У полицейав тоже автоматы...

— Ну что ты, Ферাপонт, разве мы похожи на полицейав? И чего полицейав в лесу делают, правда? Они небось и нос из деревни бояться высунуть. Разве не так? Ферапонт молча кивнул.

Теперь он уже совсем расхрабрился, подошел поближе, потрогал мой автомат.

— Скажи, Ферапонт, — спросил я, — а в вашей деревне есть немцы?

— Есть, много. Не сосчитать даже. А машины я считал — восемь.

— Видишь ли, какое дело, Ферапонт, — сказал я. — Нам нужно перебраться на тот берег. И побыстрее. Где-то здесь поблизости должен быть мост — так?

— Нет, дяденьки, моста. Его наши взорвали, когда бой был. Теперь немцы сделали переправу из понтонов, только туда никого не пускают. Больно много там немчуры.

Вот так новость! Как же нам быть?

Пробраться в деревню, добывать лодку — слишком рискованно.

Рубить деревья, вязать плот — долго.

Мы с досадой смотрели на другой берег, где чернела одинокая рыбацкая лодка. Вот уж поистине близок локоть, да не укусишь!

Партизаны пробовали воду на ощупь. Я тоже сунул руку. Ледяная вода обожгла, сразу заломило пальцы.

Нет, в такую воду, пожалуй, не сунешься. Сведет ноги — и крышка. Не доплыть.

Вдруг я почувствовал, как кто-то дергает меня за рукав. Я обернулся и встретился с умоляющим взглядом Ферапонта.

— Дяденька, разрешите мне! Я мигом перемахну!

— Да ты что! — сказал я сердито. — И не думай. Потонешь — что мы твоей матери скажем?

— Да мне не впервой, дяденька! — не отставал Ферапонт.

Кто-то из партизан досадливо отмахнулся от него.

— Не болтай попусту. Взрослые не могут, где же тебе, шпингалет!

— Ах так! — отчаянно воскликнул мальчишка. — Смотрите!

И не успели партизаны опомниться, как Ферапонт скинул с себя рваную одежку, разбежался и нырнул в ледяную воду.

— Вернись, мальчик! Не доплывешь! — кричали партизаны.

Мальчонка не отзывался и не оборачивался. Только его руки взлетали над поверхностью воды. Плыл он уверенно и быстро.

Честно говоря, в этот момент нам было стыдно смотреть друг другу в глаза. Мы, взрослые люди, не решились рискнуть, колебались, а мальчонка, не раздумывая, бросился в воду. Отчаянный хлопец!

Ферапонт был уже на середине реки. Морозный пар поднимался от воды.

— Держись! Держись, парень! Еще немножко! — подбадривали его партизаны.

А у самих замирало сердце — доплывет ли, выдержит ли?

Движения его становились все медленнее, взмахи рук — все реже. Ну, еще немного, еще... Только бы продержался...

Последние пять метров...

Три...

Вот мальчонка поднялся на ноги, сатаясь, вышел на берег.

Мы видели, как бегаёт он по берегу, стараясь согреться.

Потом он отвязал лодку, забрался в нее и, уверенно и умело работая веслами, погнал лодку к нашему берегу.

— Вот тебе и шпингалет! — говорили партизаны, когда Ферапонт причалил к берегу.

А Ферапонт торопливо натянул на посиневшее худое тельце рваные штаны и телогрейку и сказал хрипловатым, совсем мужским голосом:

— Бейте скорее проклятых фашистов, а мы всегда поможем!

На прощание я крепко обнял мальчонку и подарил ему на память свои ручные часы.

Скоро лодка с подрывниками отчалила от берега, а Ферапонт еле долго стоял у воды и смотрел нам вслед.

Боевое задание мы выполнили — пустили под откос товарный состав с фашистскими пушками.

И в этом нам помог десятилетний мальчуган, в чей груди билось храброе сердце — сердце настоящего солдата.

ШУРА ПАРТИЗАНКА

Партизанам нередко приходилось жить впроголодь. Конечно, чем могли, помогали жители окрестных деревень, но они сами часто голодали — все отбирали фашисты. И потому, когда удавалось партизанам захватить продовольствие у фашистов, когда выпадали сытные дни — это был настоящий праздник.

Так случилось и в тот день, о котором я хочу рассказать. Мы получили по целому котелку «шрапнели» (так называли партизаны перловую кашу), да еще с большими кусками сала. Только мы с комиссаром, Иваном Верхоглядом, расположились возле своего шалаша, только взялись за ложки, как раздался выстрел — сигнал тревоги.

Мы схватили автоматы и бросились к месту сбора. К счастью, тревога оказалась ложной. Когда спустя час мы вернулись в лагерь, то первым делом вспомнили об аппетитной каше. Взял я котелок и вдруг... Что такое? Котелок был пуст.

В недоумении я огляделся по сторонам. Из-за шалаша доносился какой-то странный звук — словно легкое похрапывание. Мы с комиссаром обошли шалаш и там, на траве, увидели спящую девочку. На первый взгляд, ей было лет четырнадцать. Изодранное в клочья, коротенькое ситцевое платье, синие теки под глазами, руки и ноги исцарапаны...

Неожиданно девочка вздрогнула, открыла глаза и теперь молча смотрела на нас.

— Кто ты такая? Откуда? Как попала сюда? — строго спросил я.

— Шурка я, из Минска, — всхлипнув, отвечала девочка.

Размазывая слезы по грязному лицу, она рассказала нам свою историю. Ее родители погибли под развалинами дома еще в первые дни войны, когда гитлеровские самолеты бомбили Минск. Сама Шура чудом осталась в живых. Долго скиталась по военным дорогам, по разоренным деревням.

— Дяденьки, простите меня за кашу... — плача, сказала она. — Это я съела. Я пять дней блуждала по лесу. Все вас искала.

— А зачем вы тебе? — спросил комиссар.

— Хочу быть партизанкой! — отвечала Шура.

Так Шура оказалась в нашем отряде. Сначала ей давали задания попроще. Но однажды послали на разведку в Полоцк. Трое суток она не являлась на базу. Наконец, на четвертые сутки, пришла и принесла сведения о численности войск противника, о расположении воинских частей. Задание было выполнено отлично.

Между тем для нашего отряда наступили трудные дни. Приходилось менять место базирования, скрываться от фашистских карателей.

Шура не раз просила:

— Пошлите меня вместе с партизанами на «железку». Хочу сама пустить фашистский поезд под откос. За мать, за отца хочу рассчитаться с фашистами.

Сердцем я ее понимал, а разрешить не мог. Девочка ведь еще, ребенок. А подрывать составы — дело опасное, тяжелое, одним словом, мужское дело. Не по силам ей.

Бывало, поговорим мы так, замкнется она, молчит, думает о чем-то. Или скажет: «Все равно своего добьюсь, вот увидите».

И однажды исчезла Шура из лагеря. Исчезла так же неожиданно, как и появилась. Никто не знал, куда она ушла.

Минуло несколько недель, и я уже думал, что никогда не узнаю, что стало с Шурой. Но однажды судьба свела меня с партизанским связным — железнодорожником. И вот что он рассказал:

— Работал я в те дни на станции Свольна сцепщиком. Как-то на станцию прибыл эшелон с фашистскими солдатами. Поставили его на запасной путь. Я находился в будке стрелочника, когда вдруг услышал взрыв. Выскочил из будки и увидел бегущую по путям девочку. Вслед ей раздавались выстрелы. Иногда она оборачивалась и стреляла из пистолета. Казалось, ей удастся добежать до соседнего состава и скрыться. Но тут пуля настигла ее. Девочка упала на рельсы. Позже я узнал, что девочка эта швырнула гранату в солдатский вагон. Своими глазами я видел, как фашисты вытаскивали из вагона окровавленных солдат. Девять убитых насчитал я. Я хотел подойти к девочке, но фашисты не подпустили к ней...

Волнуясь, я расспрашивал железнодорожника, как выглядела девочка, как она была одета. Сомнений не оставалось — это была она, наша Шура. Так отомстила она за гибель своих родителей, так рассчиталась с врагом.

Литературная запись Б. Никольского

Рисунки А. Гетманского

Едешь по Ленинграду в трамвае. За окном дома, ослы, иногда — заводы, иногда — школы. Ничего непривычного. А на самом деле ты уже перебрал множество границ, проехал через несколько районов, из которых сложился город.

Что это такое — район в современном городе?

Ну, например, что это такое —

ВАСИЛЕОСТРОВСКИЙ РАЙОН

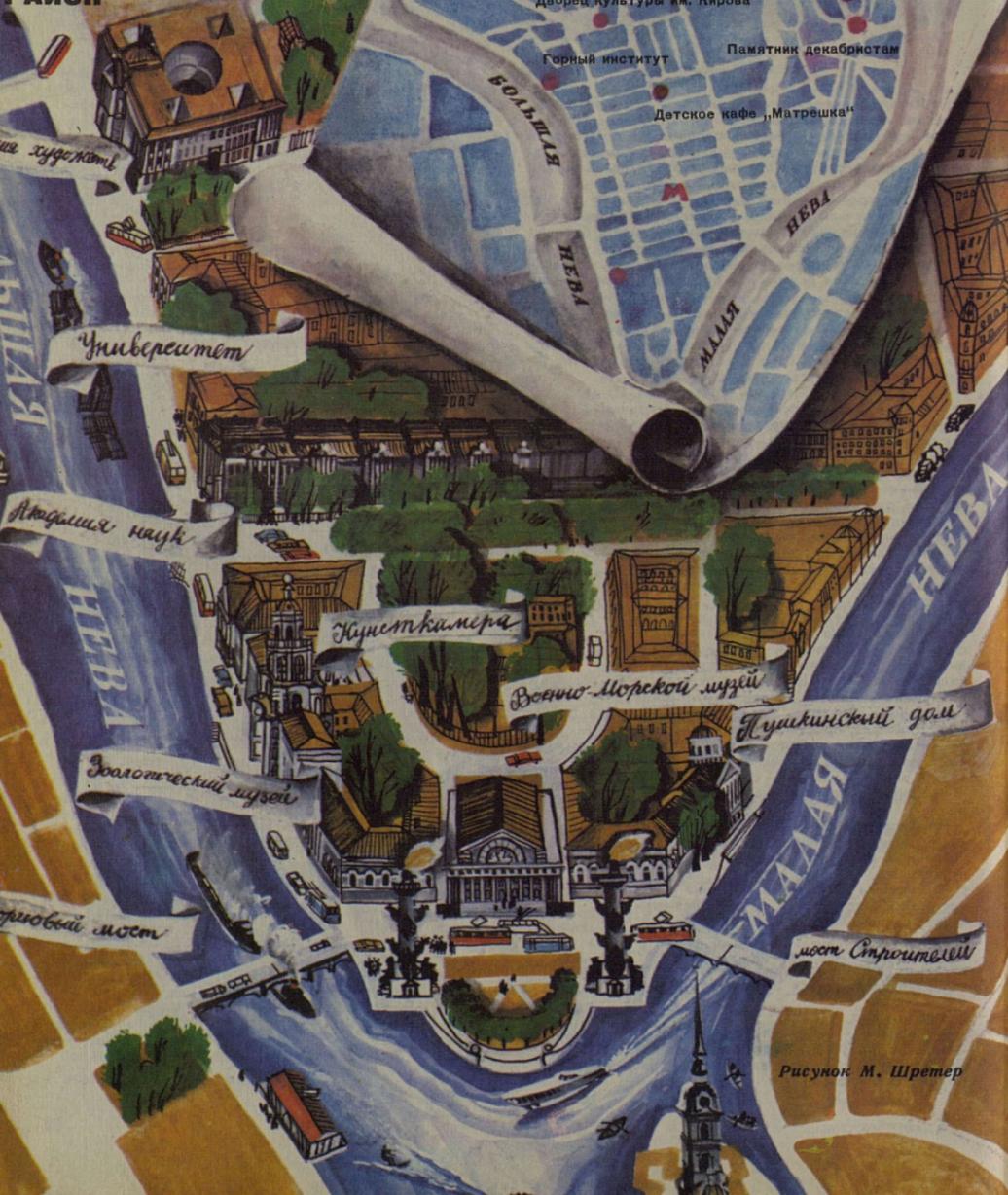

Рисунок М. Шретер

НАЙДИ НА КАРТЕ

Река разделяется на два рукава — один Большая Нева, другой — Малая Нева. Между ними кусочек суши, острый, как стрела. И стали с давних пор называть юго-восточную часть острова — Стрелка. Самое красивое место на Васильевском!

Когда-то Стрелка была морским портом города, поэтому в центре ее возвели огромную Фондовую биржу. На бирже иностранные и русские купцы заключали торговые договоры. Теперь в этом здании хранятся реликвии русского и советского флота. Теперь это **Военно-Морской музей**. И коллекции его имеют мировое значение.

Слева от Биржи были склады, как полагается в портовом районе. Сейчас на всех этажах бывшего Южного пакгауза — чучела птиц, зверей, животных самых разных, со всех концов земли — тут работают **Зоологический музей** и **Зоологический институт Академии наук СССР**.

Справа от Биржи, посмотри, красное желтое здание. Тут была Таможня — тоже как во всяком порту. В наше время здание занимает Институт русской литературы, или, как его по-другому называют, — и ленинградцы очень любят это название, — **Пушкинский дом**.

По сторонам площади — две высокие **ростральные колонны**. Древние римляне называли рострами носовые части кораблей. А эти колонны украшены корабельными носами. Отсюда и название.

В праздничный день увидишь издалека: два ярких факела горят на ростральных колоннах.

А корабли подходят к острову со стороны Финского залива. Там **морской вокзал**.

Васильевский остров называют колыбелью русской науки. Петром Первым здесь была основана **кунсткамера** — научный музей. Она торжественно открылась в 1727 году. Бесплатно

ТЕЛЕВИЗОРЫ НАРАСХВАТ

«Ладогу-205» выпускает завод имени Козицкого, который находится на Васильевском острове.

ЗРИТЕЛИ УДИВЛЯЛИСЬ

читать кувалдами, потому что они съезжают, сгнивая.

А тут — всего лишь коснулся кнопки — и пожалуйста, вокруг прочная вечная защита.

Зрители в зале удивлялись и восхищались. А васильевцы смотрели на экран с гордостью: металлические крепежи сделаны на Васильевском острове, на заводе «Пневматика».

В годы первых пятилеток из цехов «Пневматики» вышел отбойный молоток, которым знаменитый Стаханов установил мировой рекорд добычи угля. Теперешние пневматические машины оставили отбойный молоток далеко позади. Но к концу пятилетки они станут еще лучше, совершеннее, потому что совершеннее станет сам завод.

На этой фотографии (1970 г.) капитан ихуны «Заря» Владимир Иванович Узолин с гостями — космонавтами В. Волковым и В. Горбатко.

Такой ихуны, как «Заря», нет нигде в мире. Она — немагнитная. Ее построили из дерева и латуни, чтобы ученые на ихуне могли наблюдать магнитные колебания Земли без всяких помех.

Капитан Узолин уже пятнадцатое лет водит «Зарю». Доплывал до таких островов, где еще не бывали советские люди, и возвращался вновь на Васильевский.

БОЛЬШОЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Учесть нужно было и многое другое.

В эту пятилетку больше станет автомашин. Новые кварталы надо соединить с остальными частями города удобными дорогами.

Нынешние панельные дома возводятся очень быстро, но все они, как правило, похожи друг на друга, а это плохо. Значит, и тут желательно что-то придумать.

И вот как архитекторы решили.

Набережная вдоль залива будет очень широкой — сто шестьдесят метров, дома на ней — высотой тридцать пять метров. При этих размерах ощущение простора такое же, как на старых набережных Фонтанки или Невы.

А для автомобилей — проезжая полоса параллельно набережной, в трехдцать метров от нее. Пешеходы не услышат шума машин, не почувствуют запаха бензина.

В большом ленинградском универсаме «Гостиный двор» на тележках стоят самые разные телевизоры, но чаще всего покупатели интересуются «Ладогой-205». Этот телевизор самый популярный в нашей стране. Он красивый, надежный, и размеры экрана у него удобные для комнаты.

Недавно в Доме кино показывали такой фильм: в шахте человек нажимает на кнопку пневматической установки — и тут же вдоль всего свола встают надежные металлические крепежи.

Обычно своды шахт поддерживают крепежи из дерева. Устанавливать их долго. Время от времени их надо подколашивать. Дерево может сломаться.

Ленинград — город на воде. Старые его дома вдоль рек и каналов — невскоки. Они не закрывают собой реку, а как бы идут с ней рядом. От этого город кажется особенно просторным. Сегодняшним архитектором — автором проекта застройки Васильевского острова надо было непременно учесть эту особенность.

можно было почитать книги в общественной библиотеке, посмотреть всякие редкости — одежды разных народов, приборы, машины.

Музей открыт и сейчас, только теперь в нем гораздо больше экспонатов.

Разрабатывать и распространять полезные знания, совершенствовать русский язык — для этого в 1725 году была создана Академия наук. Четверть века в ней проработал Михаил Ломоносов.

Сто пятьдесят четыре года существует Университет. Сто пятьдесят четыре года он — научный центр России. Здесь росли, трудились и трудятся ученые мировой величины. Здесь за весь курс юридического факультета экстерном сдавал экзамены В. И. Ленин.

Старейшее в России высшее техническое учебное заведение — Горный институт. Он основан в 1773 году. Недавно ему исполнилось 200 лет.

«Академия трех знатнейших художеств» — так говорили в середине восемнадцатого века. Теперь это Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина.

На Васильевском острове в июне 1917 года проходил I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, в котором участвовал В. И. Ленин. Большевиков на этом съезде было мало, а меньшевиков много. Лидер меньшевиков Церетели призывал объединиться с буржуазией, сказал, что нет такой партии, которая согласилась бы взять власть в свои руки. «Есть такая партия!» — ответил ему Ленин.

На Васильевском острове сохранились дома, в которых жили В. И. Ленин и его сестра Ольга Ульянова, конструктор первого парашюта Г. Е. Котельников, И. А. Крылов, П. И. Чайковский, Т. Г. Шевченко, Янка Купала, М. В. Ломоносов, П. И. Семенов-Тянь-Шанский, М. С. Урицкий.

Что касается панельных домов, то они будут составляться — и уже составляются! — из блоков-секций, разных по цвету и по форме. Из одних и тех же блоков можно делать непохожие здания.

Василий Александрович Смирнов — бригадир балтийцев-судоборщиков.

Но эта фотография (на ней В. Смирнов — в первом ряду) сделана не на ступе, а в Кремлевском Дворце съездов. Герой Социалистического Труда В. А. Смирнов был делегатом трех партийных съездов.

На последнем, XXIV съезде, Василия Александровича избрали членом Центрального Комитета нашей партии.

ЯКОРЕК И ШЕСТЕРЕНКА

Эмблему Балтийского завода — буквы «Б» и «З» возле якоря, вписанного в шестеренку, — знают в любой судовой державе.

В корпусной цехе завода кораблей не увидишь. Какой-нибудь океанский гигант еще лежит на земле в виде плоских громадных листов стали. Бригады рабочих наносят на листы контуры частей корабля. По этим чертежам детали будущих танкеров, сухогрузов или рудозовозов много лет кроили сварщики при помощи автогена. А с недавних пор эту работу выполняют электронные станки. Они вознают в сталь свои резки, и те движутся точно по нанесенному рисунку. Автоматы освободили людей от тяжелого труда и сами справляются с ним быстрее, чем люди.

Адрес Балтийского завода — Ленинград, Васильевский остров.

В Ленинградском Горном институте появилась необычная карта. На ней обозначены не реки, горы и низменности, не то, что на земле, а то, что под землей. Исследователи могут теперь более точно представить себе, какие клады в каком месте прячет Земля. Ленинградские геологи для всей нашей страны составили эту карту. Руководил работой академик, лауреат Ленинской премии Дмитрий Васильевич Наливкин.

ОСТРОВ— ЭТО НЕ ОСТРОВ

Собирается житель Васильевского острова на работу. Надевает ботинки, шитые в объединении «Скороход» в Кировском районе, рубашку фабрики «Рассвет» из Смольнинского района. Вечером после работы едет в театр, в Куйбышевский район.

Вовсе не нужно, чтобы каждый район был словно маленький отдельный город! И василеостровцы, как и жители всех остальных районов, с гордостью называют себя «ленинградцы».

В. Блинов, Г. Георг

Боевое крещение

Вадим Инфантьев

РАССКАЗ

Рисунки Ю. Шабанова

Сорок второй год, война. Досрочный выпуск из училища. Приказ о присвоении офицерских званий — полторы нашивки с зеленым просветом на рукавах кителя. Перед строем молодых лейтенантов начальник училища зачитывает приказ о назначениях: Черное море, Балтика, Баренцево...

— Лейтенанты Грачев, Сидорчук и Аванесов — на Дальний Восток.

Ребята даже пошатнулись в строю, как от оплеухи: за что же это им такое недоверие? После команды «разойдись» все трое, красивые от возмущения, направились к комиссару училища. Но тот долго разговаривать не стал, а спросил сердито:

— Там что? Деревенский плетень? Ограда на поскотине в две жердочки? Что там, спрашиваю?

— Граница.

— Так в чем же дело? Границу везде надо охранять. Ступайте! — и вслед бросил: — Пока есть время, наберитесь опыта. Там тоже не сладко. Узнаете.

...Долго железнодорожный путь через всю страну. Из купе старались не выходить. В вагоны ехали изможденные ленинградки с детьми, пожилые мужчины говорили о срочных поставках оборудования, нехватке сырья и рабочих рук. Ехали увешанные орденами раненые фронтовики, получившие отпуск для поправки здоровья, а некоторые и уволенные подчистую после тяжелого ранения или увечья... И среди всех — три молодых и здоровых лейтенанта.

На станции подышать свежим воздухом они выходили только с наступлением темноты. Им казалось, что каждая женщина или инвалид смотрят на них с укором и презрением.

Командир катера лейтенант Осипов, после того как Иван Грачев доложил ему, что прибыл для дальнейшего прохождения службы, расслабленно сел на железный гриб вентилятора, вздохнул:

— Наконец-то! Я и года помощником не прослужил — назначили командиром. Много кораблей отправили на Запад. Этот старый, команды — недокомплект. Принимать вам дела не у кого и нет времени. Через три часа выход в море.

Тогда на дальневосточной границе до открытых схваток дело не доходило, но японцы вели себя вызывающе. Поставят фанерные мишени возле своих пограничных столбов и начнут дупить по ним из винтовок и пулеметов так, что пули свистят над крышами наших застав. В море японские военные корабли и рыбацкие кавасаки часто заскакивали в наши воды и, завидев пограничные корабли, успевали выбраться в нейтральные воды. А нашим пограничникам был дан строжайший приказ: не поддаваться ни на какие провокации, но и спуска не давать. Попробуй разберись!

И вот через три часа — выход в море. На сигнальной мачте берегового поста металась на ветру знаки штормового предупреждения. Крейсера, эсминцы и другие корабли военного-морского флота отставались в бухтах, да и топлива для них было в обрез. Но катер шел на охрану государственной границы. Его вел молодой лейтенант вместе с помощником, даже не успевшим распаковать свой чемодан.

Болтало так, что казалось: катер вот-вот опрокинется. В рубке, за штурманским столом укачивало еще сильнее, чем на мостике. И как Грачев ни крепился, ни скрипел зубами, пришлось выскочить из рубки и поделиться недавним обедом с рыбами. Сквозь вой ветра донесся голос Осипова:

— Валяй, не стесняйся. Все с этого начинают!

На закате обнаружили в наших водах японские рыболовные суда — кавасаки. Японцы круто повернули прочь. Объявив боевую тревогу, Осипов поставил рукоятки машинного телеграфа на полный вперед. На такой волне этого делать не полагалось — перегружались двигатели, а когда на волне оголялись греб-

ные винты, то машины ревели так, что казалось, взорвутся цилиндры.

Не отрываясь от бинокля, Осипов крикнул:

— Хоть это и кавасаки, но не рыбаки! Смотри, какой бурн за кормой. Такие двигатели рыбакам не нужны — накладны слишком. Спустись в машину, скажи мотористам, чтоб кровь из носа — но держали обороты. Пусть хоть руками гребные вали крутят!

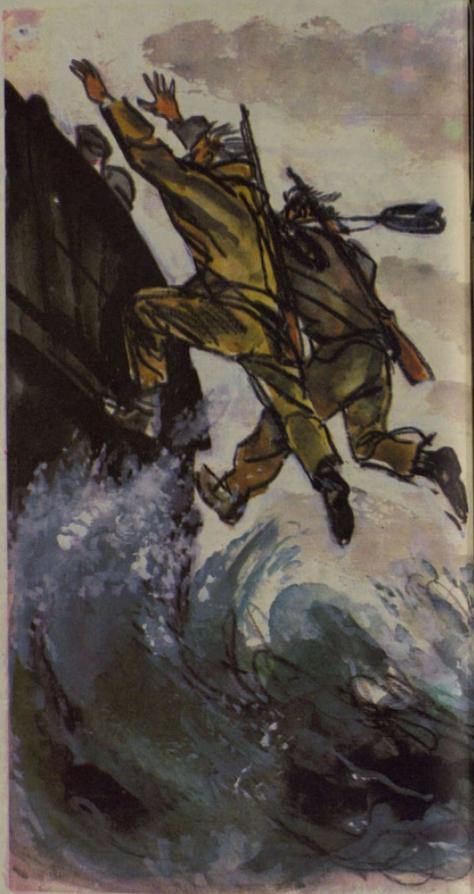
Иван Грачев протиснулся в горячий, душный, наполненный бензиновым угаром грохочущий ад. Оглушительно стреляли предохранительные клапаны двигателей. У мотористов — потные черные лица, веки опалены, зубы стиснуты, только глаза привычно осматривают двигатели и приборные щиты. Грачев тронул старшину мотористов за рукав. Тот повернулся. Лицо его заливал пот, старшина утерся повязанным на шею полотенцем. Прижав губы к уху старшины, Грачев крикнул так, что закашлялся:

— Идем на захват нарушителя! Держите обороты!

В таком реве и грохоте старшина наверняка ничего не услышал, но догадался. Ходить полным и самым полным ходом разрешается недолго — всего десять процентов времени плавания. И если командир дал самый полный — значит, дело серьезное. Старшина громко свистнул. Оба моториста поколебались на него. Старшина сжал кулаки и покачал ими перед собой, словно удерживал тяжесть. Мотористы враз понимающе кивнули и снова повернулись к двигателям.

Грачев выбрался наверх, чувствуя, как грохот машин прямо-таки выталкивает его. Наверху в глаза ударила ледяная соленая вода, словно кто-то изо всех сил плеснул из ведра. И ветер — тоже холодный и плотный, как вода.

На мостике стояли мокрые с головы до ног командиры, рулевой, сигнальщик и пулеметчик. Пулеметчик часто вытаскивал из-за пазухи тряпку и протирал

пулемет, коробки с патронными лентами. На носу корабля, широко расставив ноги, застыл в напряженных позах комендоры. Когда корабль прорезался в волну и туча брызг и пены скрывала их совсем, невольно думалось, что волна снесла комендоров вместе с пушкой. Орудийный ствол смотрел в палубу. Его опустили до предельного угла снижения, чтоб вода не попадала внутрь.

Увидев Грачева, Осипов крикнул:

— Сколько до крошки наших вод?

Иван бросился в рубку, прикинул по карте ширкudem и высочил на мостик:

— Всего две мили!

Тогда Осипов, перегнувшись вперед, словно пытаясь дотронуться до пушки, крикнул в мегафон:

— Носовое, один предупредительный, перелетом, залп! — и уже совсем не по-уставному добавил: — Иваненко, смотри не попади!

Так уж повелось издавна, что командиры малых кораблей, имевших единственную пушку обычно на носу, командуют: «носовое», как будто есть еще другое; и непременно — «залп», хотя это так же неверно, как одному петь хором.

Наводчик припал к прицелу, локти его лихорадочно двигались. Ствол орудия то смотрел в низко несущиеся тучи, то в набегающую на корабль волну.

«Как же на такой качке не ошибиться? — подумал Грачев. — А что, если в ствол уже нахлестало вода? Разорвет!»

Желтым пятном метнулось пламя. Тупой звук выстрела оборвался сразу за мостиком. Всплеск снаряда увидел не удалось.

— Еще залп! — снова командовал Осипов и снова крикнул: — Да не попади!..

Опять тупо ударила пушка.

Грачев успел различить в бинокль всплеск возле борта нарушителя. Потом бурн за кормой кавасаки опал. Стало видно, как на его палубе метались фигурки людей, они что-то волочили и сбрасывали за борт.

Обернувшись к мостику, комендоры что-то кричали, показывая на кавасаки. Оказывалось, нарушители хитрили: они не легли в дрейф, их машины работали, сбавив обороты, в пене волн бурн был не заметен. Два винта! А на рыболовецких судах этого типа ставил всегда по одному двигателю и, следовательно, по одному гребному винту.

Осмотровая группа — боцман и два матроса — уже стояли на скользком паланире, держась обеими руками за леера, подогнув колени, готовые к прыжку. Они вышли в одних робах, ветер сорвал бескозарки, и они болтались на ветру, удерживаемые ленточками, завязанными на матросских шеях. Мокрые парусиновые робы матросов стали жесткими, как кровельное железо. Винтовки были закинута за спину.

Черный смоленый борт кавасаки то взлетал вверх, грозил развалиться, то уходил вниз, и тогда казалось, что катер пограничников высочит на палубу нарушителя.

Рулевой, чертыхаясь сквозь оскаленные зубы, торпливо вращал штурвал, сдерживая рискающий на

волне катер. Двигатели на малых оборотах постреливали, чихали, вот-вот заглохнут.

Уловив момент, когда борта кораблей сравнялись, оба матроса ухитрились прыгнуть и повисли, уцепившись за фальшборт кавасаки. Судно снова взлетело вверх, и стали видны подошвы матросских ботинок.

Боцман прыгнуть не успел, но вовремя ша-рахнулся в сторону. Черный блестящий борт кавасаки со стекающими пенными струями ухнул вниз, раздался зловеющий треск. Толстая обшивка кавасаки и массивный привальный брус оказались прочнее легкого деревянного корпуса малого пограничного корабля, рассчитанного только на скорость.

Обдумывая это происшествие потом, Грачев вспомнил, что он не испугался. Только мелькнула мысль: «Выдержит ли носовая переборка? Сколько еще корабль продержится на плаву?»

Осипов что-то кричал в переговорную трубу, потом повернулся к Грачеву:

— Захватить нарушителя! Быстрей, пока держимся!

Сбросив плащ, скользя по мокрой палубе, Грачев пробежал на нос и встал рядом с боцманом. После столкновения корабли разошлись, между ними вскипали и опалили шапки пены. Один из матросов, поймав брошенный боцманом швартов, ухитрился заложить его на кормовой кнехт кавасаки. Но на такой волне подтянуть судно руками было не под силу. Волны снова сблизили корабли, грозя столкнуть их. Грачев прыгнул и наверняка

сорвался бы, но помог боцман. Они вместе перелезли через фальшборт. Один матрос пытался открыть люк в машинное отделение, второй изо всех сил бил прикладом в дверь рубки. Нарушители заперлись.

«Что за детская глупость?» — подумал Грачев и вдруг догадался: это хитрость. До нейтральных вод оставалась миля, не больше. Кавасаки малым ходом, подгоняемый ветром и волной, таща за собой пограничников, уйдет из наших вод. Наверняка сейчас японский радист сыплет в эфир морзянку: мол, в международных водах на них напал советский военный корабль. Если его запеленгуют, то неувязку в одну милю легко можно объяснить.

Грачев оглянулся, катер заметно погрузился носом. На мостике метался Осипов, что-то кричал в мегафон и отчаянно размахивал кулаками, видимо, торопил.

Грачев выхватил наган, выбил рукояткой стекло рубки и влез. Внутри ничего не было. Тусклый фонарик ноктоуза освещал только картушку компаса, она металась и колыхалась под толстым стеклом. Если бы штурвал не был закреплен толстым концом, Грачев не сразу бы догадался изменить курс судна. Завязывая трос наспех, японский рулевой остался верным привычке, он не затянул конец «бабьим» узлом, который и зубами не развяжешь, а прихватил морским узлом. Раздернув узел, Грачев, помня курс к своим берегам, повернул судно и снова закрепил штурвал. Потом нащупал дверь, ведущую из рубки вниз, рванул ее. Она не поддавалась.

В это время ритмичная дрожь корпуса кавасаки прекратилась. Японские мотористы застопорили двигатели, и ветер снова погнал оба судна в нейтральные воды.

В горячке, не зная, что предпринять, Грачев стал стрелять в дверь. От каждого выстрела в двери появлялись светящиеся точки — внизу горели лампы.

На выстрелы прибежал боцман, влез в рубку, потом догадался открыть запертую изнутри дверь на палубу, выскочил и крикнул матросам:

— Не стреляйте в сторону машины — пожар может случиться. Ломайте люк!

А сам с другим матросом начал стрелять сквозь деревянную палубу туда, где должен был находиться кубрик.

Когда Грачев, не заметив, что расстрелял все семь патронов в барабанах, щелкал курком нагана, дверь распахнулась и человек с поднятыми руками, бросив на палубу швабру, ручкой которой он, видимо, открывал дверь, чтоб не попасть под пулю, прижался к переборке.

Забыв предупредить боцмана и матросов, Грачев спустился вниз. Японец с поднятыми руками попятился в кубрик. В кубрике, прижимаясь к борту, стояли несколько человек с поднятыми руками и угрюмо смотрели на лейте-

нанта. Сверху грянул выстрел, и шепки вонзились в щеку Грачева. И тут только лейтенант спохватился, что наган разряжен. Выскочил наверх, позвал боцмана с матросом. Нарушителей обыскали, связали и заперли в шкиперской каюте.

В кубрике на переборке торчали кронштейны для каких-то приборов, которые, видимо, успели выбросить за борт. Рация была еще теплой, но разбита молотком, он валялся рядом.

Грачев с матросом быстро осмотрели судно. Трюмы были пустыми.

— Товарищ лейтенант, принюхайтесь, — сказал матрос.

Грачев потянул носом воздух и пожал плечами.

— Ничего не чувствую. Ничем не пахнет.

— Вот то-то и оно-то, что ничем, — ответил матрос. — А от любого рыбацкого судна, как его ни мой и ни драй, за кабельтов рыбой не сет. Значит, маскировались под рыбаков.

Наши мотористы запустили двигатели кавасаки, боцман на корме закрепил буксирный трос, к штурвалу встал наш рулевой, и кавасаки направились к советской базе, ведя на буксире осевший носом катер. Встречная волна и ветер «мордотык» стремительно раскачивали кавасаки.

Впервые в жизни Грачев делал прокладку по японской карте с иероглифами, но он запомнил координаты встречи с нарушителями, да и точность не так уж была нужна. Важнее добраться до своего берега. К тому же более точную прокладку вел у себя на катере лейтенант Осипов и в любой момент мог подправить Грачева.

Осипов не мог перейти на кавасаки. По уставу и морской традиции даже гибнушее судно командир должен оставить последним. А катер был жив, он вспарывал воду своим погруженным форштевнем. Внизу два матроса брусьями и деревянными клиньями укрепляли носовую переборку, сквозь которую пробивались струи воды. Двигатели корабля работали малым ходом, облегчая буксировку, помпа непрерывно откачивала воду.

К рассвету пришли в свою базу. Ошвартовались, сдали нарушителей. Забрав свою и японские карты, а также другие документы, Грачев с Осиповым направились в штаб.

После Сталинградской битвы, когда в войне наступил перелом, дальневосточная граница стала спокойнее.

АВТО-
ПОРТРЕТ
1892

ВОЛШЕБНИК С ОСТРОВА ТАИТИ

В мае 1891 года с борта пассажирского корабля на землю острова Таити (колония Франции) сошел высокий, длинноволосый человек. Он был похож на моряка, а шрамы на лице и короткая трубка придавали ему сходство с пиратом.

На следующий день он ходил по колониальным учреждениям, выспрашивая о самых отдаленных уголках Таити. Ему назвали Матаиу.

— Гиблое место, — сказал чиновник, — там можно заболеть тропической лихорадкой... И дикари...

— Это мне подходит, — сказал Гоген.

Чиновник удивленно поднял брови:

— Вы хотите осмотреть Матаиу?

— Нет, я хочу там жить.

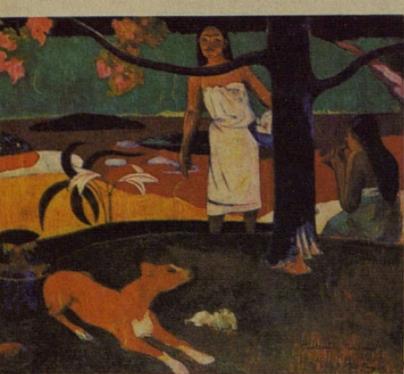
— Жи-и-ить?! — воскликнул чиновник.

Как раз в эти дни одна из частей гарнизона переводилась в глубь острова и путь ее лежал через Матаиу. Гоген присоединился к солдатскому обозу.

В Матаиу он купил себе хижину на самой окраине деревушки. Изнурила жара, жалили москиты. Он отправился к местному торговцу, чтобы купить у него съестные припасы. В лавке оказались только безделушки, дешевый ром и табак. Торговец, видя, что Гоген уходит без покупок, так стал его уговаривать и упрашивать, что художнику пришлось купить стеклянные бусы, лишь бы отвязаться.

Выйдя из лавки, он сразу же отдал их туземным ребятишкам, игравшим у порога.

Погруженный в невеселые думы, он шел

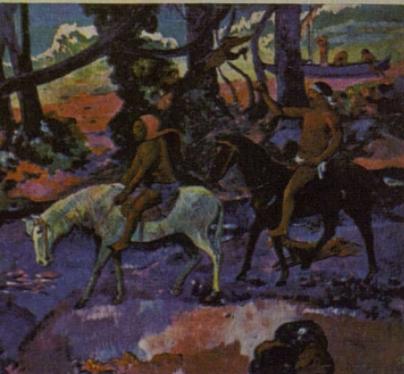

ТАИТЯНСКИЕ ПАСТОРАЛИ 1892

ЖЕНЩИНА С ЦВЕТКОМ 1891

БРОД 1901

домой: придется наверно, вернуться во Францию, как ни горько, — здесь с голоду умрешь. Однако на следующее утро он с удивлением обнаружил на пороге хижины связку бананов, кокосовые орехи, вяленое мясо и рыбу. Поодаль стояла группа туземцев. Они что-то пытались объяснить. Наконец, от них отделился глубокий

Поль Гоген родился сто двадцать пять лет назад, в дни разгрома Июньского восстания 1848 года. Отцу Поля — республиканцу, участнику восстания — пришлось вместе с семьей бежать в Перу.

Еще на корабле отец внезапно умер. Поль с матерью жили в далекой стране, в нужде, еле-еле сводя концы с концами. Однажды из Франции пришло письмо от богатого родственника, банкира Гюстава Арозы.

Банкир решил позаботиться о будущем Поля. Обещал определить его в привилегированный пансион. И, когда беглецы вернулись, выполнил свое обещание.

Казалось бы, Поль оправдывал надежды дяди. Он прилежно учился в пансионе, поступил в колледж и блестяще его закончил. И вдруг заявил, что хочет стать... матросом!

Для Арозы это было неожиданностью, но, подумав, он согласился:

— Пусть мальчишка узнает, почем фунт лиха. Я в его годы тоже был таким, а потом прошло.

Дядя оказался прав, плавал Поль недолго. Снова Париж, служба в дядином банке, женитьба на богатой датчанке. Благополучие.

И вдруг — опять вдруг! — живопись.

В доме Арозы часто собирались художники поспорить об искусстве. Гоген сперва прислушивался, потом сам стал спорить — и увлекся. Теперь он вместе с новыми знакомыми ездил на этюды, посещал Академию Коларossi — платные художественные мастерские, — а на службу рукой махнул.

И, наконец, между ним и Арозой произошел знаменательный разговор.

— Я буду художником! — заявил племянник дяде.

— Чепуха! Это не принесет тебе ни богатства, ни славы. Вспомни, тебе уже тридцать лет! Пора остепениться!

— Я буду художником, — упрямо твердил племянник.

— Тогда я лишаю тебя наследства. И посмотрим, что скажет твоя жена.

Жена сказала:

— Все художники — бродяги и нищие. Пойди к дяде, помирись с ним, рисовать будешь летом на даче.

Но Гоген был непоколебим.

Он расстался с женой. Лишился денег. Теперь он был свободен и беден.

На выставке 1881 года выставлялось уже восемь картин Гогена, а в следующем году — целых двенадцать.

О картинах спорили. Одни они нравились, другие говорили, что Гоген попросту не умеет рисовать.

А он тем временем, чтобы заработать на хлеб, устроился расклейщиком афиш. С раннего утра бегал по городу, а вечером, несмотря на усталость, вставал к мольберту.

Жить было трудно. Не только из-за бедности, — непоседливая натура требовала постоянной смены впечатлений. Гоген пустился в странствия. Скандинавия, остров Мартиника, снова Франция, город Арль... Но и в Арле Гоген задержался ненадолго.

Все сильнее томила его мечта — навсегда оставить Европу.

Чем не идея — поселиться в Полинезии! Там «первобытный рай», там люди не испорчены цивилизацией и оттого бесхитроствы, как дети. Там забудутся невзгоды последних лет...

И как художник он там будет счастлив. Какие краски, какие сюжеты! И, кстати, ведь еще никто никогда не рисовал полинезийцев, это первым сделает он, Гоген!

Рая на Таити Гоген не нашел. Но таитянский период его творчества — самый, пожалуй, плодотворный.

старик и, подойдя к Гогену, сказал на ломаном французском языке:

— Ты хороший белый человек, ты подарил нашим детям красивую вещь. Другой белый человек нам ничего не дает, он только отнимает!

Гоген был взволнован, его решение об отъезде поколебалось. Таитяне стали приносить ему пищу, обучать языку. Они часто заходили в хижину Гогена, внимательно глядясь в него, а он — в них. Их быт, психология, верования — все это пока еще было для него загадочно. Его особенно поражала, например, способность таитян часами сидеть неподвижно, устремив взгляд в одну точку.

Здесь, на Таити, где воздух прозрачен и поэтому краски сохраняют свою свежесть и яркость, он понял: верна его теория «чистого цвета».

Рисуя «Таитянские пасторали» (сейчас эта картина находится в Эрмитаже), Гоген наслаждался, четко «разграничивая» цвета, сопоставляя для контраста оранжевую собаку с чуть приглушенной зеленью травы, желтый цвет пляжа с алым от вечернего солнца морем. На фоне неба, подобно волшебным фонарикам, светились розовые плоды.

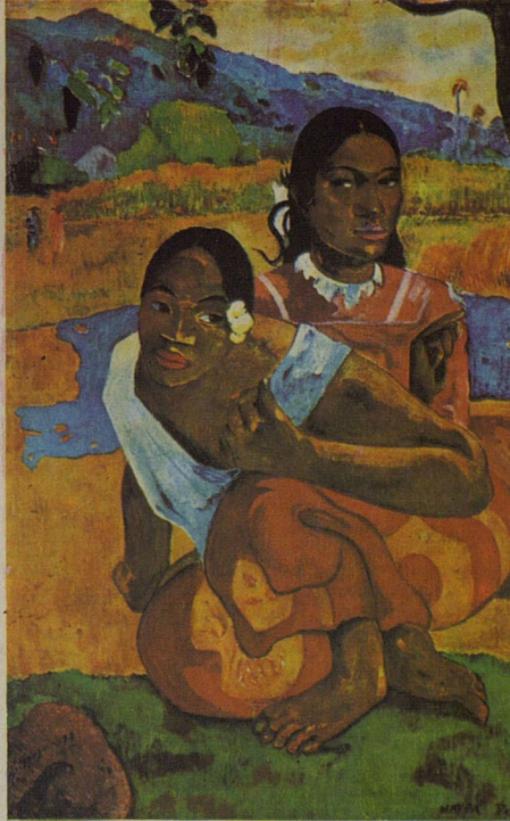
Это одно из самых поэтических полотен Гогена. В картине все таинственно, сказочно: ваза с причудливым орнаментом, оранжевая собака, фантастические цветы. Вся природа как бы застыла в оцепенении, слушая живо (таитянская свирель), на которой играет сидящая за деревом женщина.

Полотна Гогена чем-то схожи с рисунками детей. Вас ведь тянет к чистому цвету: если хотите изобразить траву, берете как правило, не задумываясь, зеленую краску, если небо — голубую, если солнце — желтую! Именно к таким цветовым решениям стремился Гоген.

Он внимательно изучал фольклор народов Полинезии, собирал старинные легенды о божествах и героях. Художника интересовали суеверия таитян. По их представлениям, каждый ручеек, каждый камень имеют своего духа. К духам таитяне относятся по-разному. Если дух ведет себя хорошо, ему приносят в жертву плоды, рыбу, мясо, если плохо — дух остается без приношений.

Сам художник для туземцев тоже был загадкой. Когда он их рисовал, они с огромным интересом его рассматривали. Вот это-то выражение любопытства и застыло навеки в полотнах Гогена. Всмотритесь внимательно в людей на его картинах, и вы увидите, как пристально глядят на вас их глаза.

Выросшие среди яркой живописной природы, таитяне обладали истинно художественным чутьем. Все в картинах Гогена было им близко — густая зелень тропических деревьев, южное небо с оранжевыми и лиловыми облаками, красная глинистая почва... Таитяне, понятия не имевшие о том, что такое живопись, кисть, крас-

ДЕВУШКИ. 1892

ка, считали Гогена волшебником, чем-то вроде божества из старинных легенд, а его кисть — магической палочкой.

Они спрашивали: «Ты создаешь плоды, животных, птиц, почему же ты ими не питаешься?»

В хижине Гогена висело несколько полотен его друзей-художников: Ван-Гога, Бернара, Синьяка. Таитяне, рассматривая эти как бы пронизанные солнечным светом полотна, спрашивали у Гогена:

— Это тоже ты сотворил?

— Нет, кроме меня, есть еще много волшебников! — отвечал Гоген.

В июне 1893 года он покинул Таити, но не надолго. Всего два года прожил во Франции и снова вернулся в Океанию — написать последние картины и умереть. Он похоронен близ селения Атуони, где он провел последние годы своей жизни.

Д. Перельман, искусствовед

Мой первый друг,

К 175-летию со дня рождения И. И. Пущина

Встретились и подружились некогда в царскосельском лицее два мальчика: Саша Пушкин и Ваня Пущин. Казалось, они были очень разными. Пушкин — порывист и вспыльчив, Пущин — уравновешен, упорен, рассудителен.

«Все мы видели, что Пушкин нас опередил, многое прочел, о чем мы и не слыхали, все, что читал, помнил, — писал много лет спустя Пущин, — но достоинство его состояло в том, что он отнюдь и не думал выказываться и важничать, как это очень часто бывает в те годы (каждому из нас было по 12 лет)».

Но вот они выросли. Годы лица остались позади. Оба уже достаточно ясно сознавали, что живут они в стране бесправной, задавленной царским самовластьем. Юноша Пущин сразу выбрал для себя путь борьбы — вступил в тайное общество. «Эта высокая цель жизни самой своей таинственностью и начертанием новых обязанностей резко и глубоко проникла в душу мою... — вспоминал впоследствии Пущин. — Первая моя мысль была — открыться Пушкину: он всегда согласно со мной мыслил о деле общем... Не знаю, к счастью или к несчастью, он не был тогда в Петербурге, а то не ручаюсь, что в первых порывах, по исключительной дружбе моей к нему, я, может быть, увлек бы его с собою. Впоследствии... я уже не решался вверить ему тайну, не мне одному принадлежавшую, где малейшая неосторожность могла быть пагубна всему делу». К тому же и Пущин, и его друзья видели, что Пушкин, и не состоя в тайном обществе, своим поэтическим словом «действует, как нельзя лучше, для благой цели».

Вольнолюбивые стихи Пушкина ходили по рукам в Петербурге и по всей России. Узнал о них и царь Александр I. И приказал выслать поэта из Петербурга сначала на юг России, а затем в псковское село Михайловское, под надзор местных властей.

Здесь Пушкин жил в старой усадьбе вдвоем со старушкой няней, вдаль от друзей и родных. Сюда в январе 1825 года, в санях по снежной дороге, приехал к нему верный друг Иван Пущин.

...Поэта дом опальный,
О Пущин мой, ты первый посетил;
Ты уладил изгнанья день печальный...

Так об этом приезде друга позднее написал Пушкин.

А в тайное общество Пущин принял только поэта Рыльева. Того Рыльева, который возглавил затем подготовку восстания в Петербурге...

В ноябре 1825 года, совершая поездку по югу России, в городе Таганроге, внезапно умер царь Александр I. Для членов тайного общества эта весть прозвучала как сигнал к решительным действиям.

Восстание назначили на 14 декабря. В этот день офицеры, участники восстания, решили вывести в Петербурге свои полки на Сенатскую площадь, откуда уже совсем близко было до царского Зимнего дворца.

Офицер Каховский готовился стрелять в нового императора Николая. Накануне решительного дня Рылев обнял Каховского и сказал: «Я знаю твое самоотвержение... Убей завтра императора!» И тут Пущин тоже обнял Каховского, восхищенный отвагой этого человека.

Но 14 декабря в пронизанной холодным ветром Сенатской площади восставшие потерпели поражение. Не рассчитали свои силы. А некоторые просто растерялись — восстание началось без четко продуманного плана... Из воспоминаний декабриста Розена известно, что

«всех бодрее в каре* стоял И. И. Пушкин» и что, хотя он был в штатском, «солдаты охотно слушали его команду, видя его спокойствие и бодрость». Пушкин пришел на площадь в шубе и шляпе, и, когда по восставшим начали стрелять картечью, шуба его оказалась пробита во многих местах...

Он мог бы сразу бежать из Петербурга, но не захотел. Считал своим долгом разделить участь товарищей.

Арестованный и заключенный в Петропавловскую крепость, он стойко держался на допросах и никого из товарищей не выдал.

Весть о неудачном восстании дошла до тихого села Михайловского. Пушкин написал письмо в Петербург, поэту Дельвигу, спрашивал: «Но что Иван Пушкин?.. Сердце не на месте, но крепко надеюсь на милость царскую». Напрасно надеялся. Уцелевший в день восстания Николай I шадить никого не хотел.

Пушина, как одного из главных зачинщиков, осудили «по первому разряду». Его приговорили к смертной казни с отсечением головы. Затем смертный приговор заменили вечной каторгой. Пятеро главных участников восстания были повешены, среди них друзья Пушина — Рылеев и Каховский.

«Повешенные повешены, но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна», — восклицал Пушкин в письме к поэту Вяземскому. А в черновых своих бумагах нарисовал однажды виселище и задумчиво приписал рядом: «И я бы мог...»

Пушина погнали на каторгу за несколько тысяч верст — в Забайкалье.

В морозный зимний день привели новых каторжан в читинский острог. Из-за осторожного частокола Пушкин услышал, что его зовет женский голос. Оказалось, это жена декабриста Муравьева, Александра Григорьевна, одна из тех самоотверженных женщин, что последовали за мужьями на каторгу. Она подождала Пушина и передала ему, просунув меж колец, листок бумаги.

«Александра Григорьевна проговорила мне, — рассказывал в своих «Записках» Пушкин, — что получила этот листок от одного своего знакомого перед самым отъездом из Петербурга, хранила его до свидания со мною и рада, что могла, наконец, исполнить порученное поэтом». Порученное Пушкиным!

Пушин развернул листок, и можно себе пред-

ставить, как взволновали его пушкинские строки, обращенные к нему, Пушкину:

*Мой первый друг, мой друг бесценный,
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик одалсил;
Молю святое providенье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!*

До конца жизни Пушкин хранил это послание Пушкина как святыню.

Ошеломляющее известие о смерти поэта на дуэли пришло к Пушкину уже на каторжный Петровский завод, тоже в Забайкалье, куда Пушина перевели из Читы. «Кажется, если бы при мне должна была случиться несчастная его история и если бы я был на месте К. Данзаса*, то роковая пуля встретила бы мою грудь: я бы нашел средство сохранить поэта-товарища, достойного России», — писал он одному из старых друзей в Петербург.

И это были не просто слова.

Декабрист Басаргин вспоминал о Пушкине: «Его открытый характер, его готовность оказать услугу и быть полезным, его прямоте, честность, в высшей степени бескорыстие высоко ставили его в нравственном отношении... В Чите и в Петровском он только и хлопотал о том, чтобы никто из его товарищей не нуждался. Присылаемые родными деньги клал почти все в общую артель...»

В 1839 году, вместе со многими другими декабристами, Пушкин был переведен с каторги на поселение. И еще семнадцать лет провел в изгнании, в маленьких сибирских городках: сначала в Туринске, затем в Ялуторовске.

Пушину разрешено было вернуться в европейскую Россию только через тридцать лет после того, как его погнали на каторгу в Сибирь. В Петербурге его встретил старый лицейский товарищ Константин Данзас. И рассказал о том, как раненный на дуэли Пушкин перед смертью жалел, что рядом нет Пушкина:

— Легче было бы умереть...

Пушин узнал об этом через двадцать лет после смерти поэта. Теперь уже и ему самому оставалось жить недолго.

Но и поныне жива память о первом друге Пушкина.

С. Тхоржевский

* Каре — военная колонна, выстроенная квадратом, лицом на все четыре стороны.

* Секундант Пушкина на дуэли с Дантесом.

Раздел ведет писатель Н. Сладков
Образование: В. Прошкина

в рулончики, свертывается в кулечки, скимается в кулечки. Лист сухой, а земля под ним еще мокрая и проливаются под ногой, как пластилин. Идешь и едва-едва слышишь сапогом сухие листья в сырую землю.

Лось ли прошагает, человек ли пройдет — оставит следы, адвлет в землю лесную ветошь. Пройдут, владе- щимуси! Распрямится лист сытый и соседний заденет. То упругий стебелек распрямится. Развезается теле- мочка желтой травы. Или встраи- ваются выпрямится сытый в гар- мону пучок брусники. Шорохи, шорохи...

Давно ушли лось и человек, давно след их прошли, а следы все шеп- чутся, шепчутся. Долго-долго.

Н. Сладков

ПРИВЕТСТВИЕМ вернувшихся с юга ласточек, славок, камышовок, пик- сок, стрижей, иволг, жуланов, че- чевичей!

ПОЗДРАВЛЕМ с днем рождения дрозда, зябичка, зячата, крота, по- сета, чибиса, выдрата и ляска!

РАДУЕМСЯ цветению макушниц, одуванчиков, незабудок, лютиков, фиалки, черники, земляники, черемухи, ландыша, сирени и кошачьей лапки!

СТОЛКИ
ОДУВАНКИ

В мае удивлялись первым одуван- чикам: — Надо же, одуванчики уже за- цвели!
В сентябре удивлялись последним: — Смотрите, опять одуванчики за- цвели!
Весной радовалась первой ласточ- ке: — Надо же, ласточки уже приле- тели!
Осенью удивлялись последним: — Смотрите, а ласточки-то еще здесь!

Знакомые птицы, прелестные цветы! А радуют нас и осенью, и весной. Из года в год. Всею жизнь.

А. Зимин

В ЛЕСАХ И ПОЛЯХ
ШЕПОТ СЛЕДОВ

В светлых осинниках и ольшани- ках давно снег сошел, старый павый лист сохнет на солнце: скручивается

В МИРЕ ШЕСТИНОГКИ

ЖИВЬЕ БОЧОЧКИ

Весной в лесу мелькают бабочки- крапавицы, по желтой траве бегают пауки, а там, где муравейники осоло- бодились от снега, рыжие лесные му- равьи греются на солнце. Солнце печет, и муравьи не спеша разползают- ся с муравейника. Первые смельча- ки отправляются в разведку. Кто в траву, кто под кусты, а кто к березе за сладким соком.

Но кто-то продолжает лениво греться на муравейнике. Среди этих лентяев особенно много муравьев с неумеренно крупными животами. Тол- стобрюжие держатся группками на самых теплых местах.

Неужели и у муравьев бывают от- кормленные дольши, живущие за чужой счет? Оказывается, нет. Тол- стые муравьи — это всего-навсего «бочочки», еще с осени наполненные по запас питательными веществами. За зиму они почти что не переско- пали эти запасы, и теперь они все пригодятся. Ведь весной в лесу бес- кормишь.

У муравьев-бочочков жировые ве- щества каким-то образом переходят обратно в зоб, а уж из зоба они всех угодят маленькими капелюшками. Живые бочочки совсем беззащит- ны, у них нет муравьиной едкой кис- лоты. И без нее от запасов быстро расстывают до предела. Пусть кисло- той брызгаются «солдаты». Это их дело. А дело «бочочков» подкарми- вать в трудное время голодных и ослабевших.

П. Мариковский

БУДЕТЕ ЗНАКОМЫ

БЕЛЫЙ ЁЖ

К утру ливень перестал, поднялось жаркое солнце. Мы потянулись к куличным гнездам, ожидая найти их залитыми водой. Вот с первого гнезда заветная испуганная куличка, и мы увидели, что ее гнездо-ямка со- вершенно сухой! Сухими оказались и все другие куличьи гнезда. Хотя песок вокруг гнезд совершенно промок! А ведь куличьи яйца ле- жали в лунках много ниже поверх- ности песка. А потом дождейвой вода почему-то не затопила их, вопре- ки, как нам казалось, всем законам физики. Вот еще одна загадка при- роды!

Причем, тут же была и отгадка. Кулики, как и мы, окружили свои гнезда киванками! Не сырое пес- ко вокруг гнезд хорошо были видны бороздки, прочерченные острыми ку- личьиными клювами. Кулики-то оказа- лись гидротехниками, зря мы за них волновались!

М. Зверев

модане. Я хотела его погладить, но ем резко подпрыгну, упирая руку ногтями и бросилась удирать. Бежал он бесшумно и очень быстро. По- том он нашел бюдучко с творогом и с удовольствием закусил.

Так жить пустыни стал жить в комнате. Он очень любил тепло и часто забирался спать к дочке под одеяло. Но однажды он исчез, и мы никак не могли его отыскать. Наши- ми его только под Новый год: он крепко спал в коробке с елочными игрушками!

В природе длинноглые ежи выво- дят и тамными. Жизнь этих редких зверьков еще очень мало изучена.

В. Приякова

МИГ

ПОСТОЯЛИ- ПОБЕЖАЛИ

Я стоял, а медведь бежал. — Стоя! — крикнул я. Медведь встал по стойке «смирно». А побегал со всех ног.

В. Михайлов

ПОЖАЛУЙСТА, ПОМОГИТЕ!

Эти птички раньше времени выскочили из своих гнезд. И не знают теперь, как вернуться домой. А вернуться надо скорей! Ли- ца повисла, с кустов! Пожалуйста, скорее разведите птенцов по своим домам.

КОСТА ТЕРНИК

1. Желна.
2. Пестрый дятел.
3. Сорока.
4. Иволга.
5. Городская ласточка.
6. Ремез.
7. Камышовка.
8. Зяморчок.
9. Долохо- вства свицка.
10. Пичоха.

ПОЧТА ЗЕЛЕННЫХ СТРАНИЦ

Однажды мама принесла большую маленькую сороку. Мы с моим братом ухаживали за ней. Она стала ручной и везде ходила за нами. Но однажды она пропала! Мы очень тосковали по ней. Но однажды мы услышали знакомый разговор. Мы вышли на улицу и увидели на забо- токе двух сорок. Среди них была наша Сорокушка. Мы очень обрадовались ей. Немного поблизь с нами, она уле- тела и больше не появлялась. Но мне кажется, что она еще вспомнит нас и прилетит.

Воронкина Наташа, с. Ванюково Чимкентской области

Я решила послать привет пово- дим, короче пропала сестрэм. Мы с ней очень любим природу. Зна- ете, как прекрасно во все времена жить в деревне! Частенько мы быва- ем там у бабушки. Что только мы не наблюдали! Однажды решил по- поблизь поехать за нашей собакой Муратом. И вот что замечательное: перед зо- лотыми ояками Мурат свернулся калачиком, а перед теплыми — рас- таявлялся.

Лида Портнова, Кашицкая область, пос. Белый Городок

ДИМКИНО ВОСКРЕСЕНЬЕ

РАССКАЗ

Василий
Резник

Рисунки
И. Харкевича

Последний утренний автобус ушел, и Димка понял, что тетя Нюша сегодня уже за ним не придет.

За деревьями виднелась крыша интерната, а рядом на горе ребята гоняли мяч.

Тетя Нюша могла бы и заранее предупредить. После она, конечно, скажет, что на воскресенье уехала к дочке стирать, и Димка, как обычно, сделает вид, что поверил. Он знал, что стирка — это понарошку, что просто дочка и муж ее надумали за город, а тетя Нюша оставалась с их детьми. А Димка мешал бы. Димка якобы нахватался в интернате всяких гадостей. О себе-то он знал, что ничего такого не нахватался, а если учил тетиношних внуков лазить на ель за шишками, на самую верхотуру, где страшноато покачивало, то для их же пользы.

В интернате, если Димка опаздывал к обеду, Галина Петровна отчитывала вежливо, словами из «Родной литературы». Она всегда говорила ровно и лишь на уроках природоведения голос ее менялся, и тогда Димка готов был ее слушать и слушать. Обыкновенные вещи — трава, деревья, цветы — оборачивались далеко не простыми. Трава-росянка умела ловить мошек и комаров, брусника и клюква — зимовать под снегом, сохраняя зелеными листья...

— Эй, парень!—раздалось, и Димка вздрогнул.

На дороге стоял автофургон.

— Ты глухой? — спросил шофер. — Кричу, кричу... Поблизости вода есть? В радиатор до-
бавить...

— Ага. Озеро. Показать?

— Увижу.

— Оно такое: с дороги не заметное, — предупредил Димка.

— А обратно ты как?

— Пёхом!

Димка уселся. «Как обратно?» Для него час — не время, десять километров — не расстояние. Исколесил на попутных изрядно.

Особенно, когда искал отца. Он не помнил отца, но не хотел верить, что тот просто ушел от матери.

Искал отца, а фамилию называл отчима — ту самую, что на куртке пришита.

После смерти матери отчим Димку отправил к тете Нюше да и забыл о нем. А у Димки осталась фотография, где отец в кабине, и на обороте надпись: «Дорогой Наташе от Алексея. г. Красный Порт».

Шоферы рассматривали фотографию. Они останавливали свои машины и разглядывали ее серьезно и немного сердито. Читали надпись

и дату — за год до рождения Димки. Прощаясь, записывали Димкин адрес. Машина, заурчав стартером, уезжала. Медленно уезжала она, будто тоже задумывалась, и зябко подрагивал ее кузов. После приходили письма...

За четыре интернатских года лишь один раз Димка разревелся — когда узнал, что фамилию называл не ту. Было это давным-давно, и с того дня, если кто спрашивал от отца, отвечал: шофер. В Димкиных рассказах отец то работал на самосвале, то возил грузы из Магадана к золотым приискам, то был таксистом в Красном Порту. Водителя первого класса, его часто направляли в самые трудные рейсы, с ним приключалось такое, что даже тертые шоферы, слушая Димку, покачивали головой. Постепенно из всех услышанных или прочитанных историй у Димки стал намечаться какой-то порядок, последовательность, биография, в которой каждому событию нашлось время и место. Отец будто бы писал Димке письма, навещал, но взять к себе не мог, потому что не обзавелся ни домом, ни квартирой, и, например, если бы и взял Димку, то все равно пришлось бы учиться в интернате.

И вот, когда отстоялось все, что придумал Димка, когда сам поверил в придуманное, шоферы как-то перестали интересоваться его семейными делами. Но слушая их рассказы о тонкостях шоферского дела, о событиях на дорогах, Димка порой замечал на себе их пристальный изучающий взгляд. И оттого, что голос хозяйки машины звучал как-то особенно сочувственно и так не вязался с Димкиным счастливым по сути житьем, где все должно было вот-вот совсем хорошо наладиться, Димка хмурился. Иногда ему думалось, что люди, с которыми он говорил, знают его обман. Изпод насупленных бровей он следил за ними — и не обнаруживал притворства. Может быть, из-за этой настороженности Димка все реже и реже выходил на дорогу, а после и совсем перестал. Один — перестал. С Серегой бежали, да это не в счет...

— Так где лужа-то?

— Через поворот.

Остановились у озера. Цепляясь за кусты, Димка с ведром спустился по вязкому берегу. В прозрачной воде плавали страшные с виду личинки комаров. Застыли тусклые облака; Димка задрал голову, сравнил — далеко им до настоящих. Тут он увидел самолет и быстро взглянул на воду, но самолет шел низко и не отражался в озере.

— Скорей!

Димка заторопился к машине. Шофер выловил из ведра парочку головастиков и засмеялся:

— Чуть суп не сварили, а?

— Зато вода мягкая, накипи не будет, — малость обиделся Димка.

— Накипи? Откуда знаешь?

— Папа шофер.

Самолет заходил на посадку. На близком аэродроме садились лишь старые самолеты да двукрылые «аннушки». Димка частенько бывал там и даже подружился с Азарием, техником вертолета пожарной охраны. «Махнуть туда, что ли?» — подумалось. Шофер уже завинчивал пробку радиатора.

— А можно, я...

— Куда? Мама-то хватится поди?

...На дороге шофер насвистывал знакомую песенку, перевирая мотив. Но свистел завидно.

Пассажиры с чемоданами, сумками, портфелями ожидали посадки. Из пузатого самолета рабочие выгружали ящики в оранжевый аэропортовый грузовик. В тени под широким крылом Димка заметил Азарию.

— А, гость, — техник потрепал Димку по плечу. — Постой, ты чего домой не уехал?

— Да тетя Ньюша... — скривился Димка. — А ты? Сегодня ж выходной.

— Вызвали, Димка. Сейчас большой вертолет прилетит, груз дальше повезет. Надо встретить.

К самолету подкатил бензозаправщик, заурчал насос, и в крыле зашумело — начали заправку топливного бака. Шум был как от дождя, даже прохладой повеяло.

— Пойдем, Димка, лимонад пить, — предложил Азарий.

У бревенчатого домика аэропорта он взглянул на небо, и Димка тоже, но в небе только ласточки гонялись друг за дружкой.

Буфетчица открыла бутылку лимонада, розовая пена выскочила из горлышка, и Димка сглотнул слюну.

— Я печенья не буду, — сказал Димка, но Азарий уже открыл пачку.

За соседним столом сидела семья: отец, мать и сын. Отец и сын были в одинаковых мохнатых свитерах. Димка не мог взять в толк, куда же они летят, если еще не каникулы... Он попытался представить себе отца вот в таком нарядном свитере.

— Слышишь! — Азарий торопливо поднялся. — Ты закусьвай.

— Не, — Димка сунул печенье в карман, допил лимонад и высочил следом.

Над аэродромом завис вертолет.

Начальник аэропорта, приземистый, лысый, стоял у штакетника.

Димка подошел поближе к Азарию. Начальник аэропорта расширил зрачки:

— М-марш с территории! Посторонним вход запрещен.

— Он со мной, — сказал Азарий, — хороший мальчик.

Вертолет сел, лопасти враз замедлили бег, вкралдисто зашелестели. Шофер грузовика негромко просигналил.

Азарий впрыгнул в кабину, Димка — в кузов. Ветер раздувал Димкину куртку. На аэродроме желтели россыпи одуванчиков. За каймой кустарника голубела долина, а дальше высилась сопка.

Ящики чуть подрагивали. Один был большим, с железными углами. Под сажевой надписью «Не кантовать» прилепилась коробка с пломбой. «Инструкция по распаковке», — прочитал Димка. Он бы расколотил этот ящик без всякой инструкции. Станцию назначения закрывал другой ящик. Димка попыхтел, отодвинул его и прочитал:

«КРАСНЫЙ ПОРТ»

Самым трудным было не откликнуться, пока Азарий искал. Притаившись под чехлами, Димка затылком чувствовал, что Азарий заглядывает за ящики, где чехлы. «Меня нет, меня нет», — повторял он, уткнувшись лбом в колени.

— Все тут, я пересчитал, — заверил его бортовой техник. — Доведем, привычные...

Азарий пнул по ящику, и Димка смежился. Звякнул инструмент; техники принялись за работу. По алюминиевому борту машины прихотили к Димке стуки, цапанье. Ноги затекли, но он боялся шевельнуться. Что они там ковыряются? Ноги болят. Хотя бы чуточку выпрямиться... Кто-то идет!.. Нет, показалось... Нет, идет!

— Иван Парфеньич, готово?

Это второй летчик. Зовут его Леха.

— «Добро» дали? — отозвался Иван Парфеньич.

Ответа Димка не разобрал. Леха ушел. Полежался голос Азария:

— И куда делся парнишка? С шофером, что ли, укатил?

— Он тебе родич?

— Интернатский.

— Тихий какой-то.

— Он? Димка? Ртууть! Наблюдательность— во!.. Мировой будет технарь.

— Сирота?

Димка замер.

— Отец у него, тетка... Живность всякую любишь тоже. Ты, к примеру, знаешь, как устроены жабы глаза? На манер инфракрасного датчика!

— Ну да?

— А он знает!

— Шагнула наука...

— Нынче он скис, домой не взяли.

— Отец есть, тогда ладно. Ничего тогда, — после молчания сказал Иван Парфеньич. — Я, брат, сиротским хлебом...

Сердито щелкнул замок кабины.

Зашуршала трава.

Димка напряг уши, так хотелось услышать

продолжение разговора. Давно стало тихо, а он не сразу и вспомнил про затежище свои.

А вспомнив — вытянулся. Хорошо! Лучик света проникал под брезент: внизу, между створками грузового люка, была щель.

Через щель сквозило. Вертолет чуть подрагивал от ветра. Было тихо. Димка вылез из-под чехлов, уложил их так, чтобы мигом спрятаться, и, прислушиваясь, пробрался к иллюминатору.

Иван Парфеньич, худой, широкий, сутулый, курил, прислонившись к газетному шиту возле беседки. Азарий и летчик Леха, одинаково скрестив ноги, сидели на скамейке, а пассажиры поднимались в самолет. Среди них Димка увидел и того мальчишку с красным рюкзаком в руке и фотоаппаратом через плечо...

Димка походил по вертолету, рассматривая кранки, трубки, надписи. Осмелев, залез по алюминиевой лесенке в кабину летчиков. Сесть в кресло он не решился, потому что его могли заметить — кабина была сплошь остеклена, — а так и стоял на лесенке, рассматривая прибор. Выключателей, приборов, рычажков, рукояток тут было куда больше, чем на вертолете Азария.

Азарий строго-настроено запрещал что-либо трогать в кабине без разрешения. Но сейчас Димка был один. Он протянул руку к никелированному тумблеру, но ничего особенного не произошло — щелкнуло и только. Поблизости торчала красная рукоятка. Димка потянул ее — она не поддалась. Потянул сильнее — вдруг рывнуло, загоротало, оглушило. Димка кубарем слетел вниз, больно ударившись лбом. С визгом он кинулся к двери — закрыта, бросился к иллюминатору, губами выдавил резиновый кружочек в центре стекла, хватанул воздуха и крикнул.

Но никто не услышал, никто не спешил к вертолету. На том же месте стоял Иван Парфеньич, и спокойно было вокруг.

Димка понял, что это запустили моторы самолета, и облизнул пересохшие губы.

Командир сказал:

— Советую закрывать пожарный кран.

— Я закрывал, — ответил летчик Леха.

— Святой дух?

— Клянусь!

— Не смешно...

Летчики возились наверху, Иван Парфеньич топтался в грузовой кабине, укладывая колодки-упоры из-под колес и прочее громыхающее хозяйство.

— А тумблеры! — повысил голос командир. — Нет, Леха, полюбуйся!

— Ничего не понимаю. Обогрев включен... — озадаченно пробормотал летчик Леха. — Может, Иван Парфеньич?

— Ась? Погодите, резинка с иллюминатора слетела, поставлю.

Димка лежал ни жив ни мертв. Пальцами прижимал ссадину на лбу, не чувствуя боли.

— Ладно, поговорим за чаем, — бросил командир.

Кабина быстро наполнялась шумами, потрескиванием, жужжанием. «Раз, раз, раз, проверка связи», — раздался громкий изменившийся голос летчика Лехи.

— К запуску!

— Есть!

Загудел, набирая силу, стартер; вдруг ужалил, разбудил мотор, и вертолет вздрогнул, закачался, и уж ничего не было слышно, кроме сильного моторного шума. А когда Димка вспомнил о шели — аэропорт, бензозаправщики были далеко внизу. Мелькнула дорога с крохотными автомобилями, пошли колхозные поля, отороченные кустарником.

Высота все увеличивалась. Вдруг земля встала на дыбы, и показался сиреневый, смыкающийся с небом, наклонный горизонт. «Падаем!» — ахнул Димка и вцепился в брезент, но земля спокойно выровнялась.

Медленно пропльвали сопки — изрытые ручьями, желтые, коричневые, розовые скалы, то сверкающие на солнце, то укрытые синими тенями. Чернел горелый лес. Голые стволы, как булавки, утыкали сопку, и когда вертолет прошел над ней, Димка не увидел ни кустика, ни пучка травы — все между деревьями было черно, неподвижно и мрачно. Белой холодной лентой потянулась река с рыжими заберегами; в прозрачной зелени болот поблескивала вода. Глаза слезились, Димка протирал их и смотрел, смотрел... Внизу пропльвал поселок; по дороге ползла машина; стадо коров паслось на лугу. И все это — и поселок, и пастбище, и разрытый пламенеющий карьер, где добывали, может, уголь, может, руду, медь или даже золото, — все это он, Димка, мог видеть сразу, даже не поворачивая головы. Спешил по кривым улочкам автобус, а возле сквера его ожидали люди и, наверное, поглядывали на часы, ворчали, как тетя Нюша.

Давно пролетели поселок, а Димка, поглаживая твердую шишку на лбу, представлял, как люди едут в тесноте, и в пыльные дребезжащие окна автобуса видно им лишь заборы да стены домов. А он, Димка, уже далеко, и впереди виднеется новый поселок или целый город с многоэтажными домами, белыми-белыми, будто из мела, да и не больше граненых мелков, хранившихся у Галины Петровны в картонной коробке. Вместе с резкой тенью вертолета, что беспрепятственно скользила понизу, Димка одолевал кручи и тайгу, болота и ушелья. Димка уселся на эту тень, как на ковер-самолет, но сразу от скорости захватило дух, и он вцепился в твердое металлическое ребро. Оно обожгло холодом. Димка отдернул руку. Пронзительно

дуло, Димка давно продрог, ежился, руки покрылись гусиной кожей. Закреть бы щель и согреться, но что-то удерживало, будто исчезни свет — и прозойдет плохое. И Димка упорно смотрел и смотрел, хотя уже не встречалось жилья и дорог, а только тайга да сопки.

Он совсем озяб и решил закрыть щель.

«Что я наделал?» — впервые отчетливо подумал он. В интернате его хватятся, начнут искать, как искали друга его, Серегу, когда тот сбежал. Директор привела Серегу к вечеру — из железнодорожной милиции. «Чего, ну чего тебе не хватало?» — спрашивала его Галина Петровна. «Может, тебя кто обидел?» — спрашивала она. После, на классном собрании, Галина Петровна обычным своим голосом, спокойным и ровным, говорила, что интернаты надо ценить. Но единицы — Галина Петровна не смотрела на Серегу — своими поступками пятнают честь коллектива. Они не ценят большой заботы. Они нарушают дисциплину, а то и убегают, и из-за них интернат может лишиться Красного знамени. Старшеклассники, приглашенные на собрание, говорили, что надо привыкнуть, что в интернате хорошо, и нечего бегать, да и куда убежишь?..

Димка часто думал о Красном Порте; это был замечательный город. Тетя Нюша приносила ему старые журналы, и Димка имел право вырезать из них какие хочешь картинки. В каждой картинке, которую он вырезал, было что-то присущее Красному Порту: дома с красными крышами, ступенчато расположенные на горном склоне; причалы, где покачивались большие корабли; у обрывистого берега, на исчерна-синей воде стояли баржи... Красный Порт всегда представлялся праздничным. И обязательно было лето. Димка знал, что Красный Порт — далеко на севере; что в марте пурга замела там дороги и повалила телеграфные столбы, об этом передавали по радио. И все же Димка не представлял себе этот город в снегу...

Он хотел побывать в Красном Порту; в его воображении за ним приезжал отец или он сам приезжал в этот город совсем взрослый; до сегодняшнего дня он и не помышлял, что все может быть так неожиданно осуществимо — несколько часов полета! Надпись на ящике ошеломила его, он сразу же решил: когда техники заправляли машину, он юркнул в грузовую кабину. В Красном Порту он незаметно улзнет. Обойдет все автопарки. Если до вечера не разыщет отца — все-таки сегодня нерабочий день, — то будет искать завтра. Послезавтра. Ночевать можно на вокзале, а то и в кустах, сейчас тепло. Деньги будут — продаст нож. Кроме того, есть почти целая пачка печенья...

Но теперь, когда вертолет приближался к цели и ничего невозможно было изменить, уве-

ренность, гревшая Димку, сменилась беспокойством, и это беспокойство росло. С ним не было даже той фотокарточки. А то, что делало его отца знаменитым, известным, было придумано и запутало бы тех, кто хотел бы ему помочь.

«А вдруг папа переехал?» — холодея, подумал он.

Шмыгая носом, Димка полез за платком. Пальцы нащупали печенье. В интернате скоро обед, и все узнают. Но сначала Серега победит на дороге — искать его...

Печенье следовало приберечь. Димка лишь надкусила твердую сладковатую плитку, и она быстро растяла во рту.

«Я же не убегаю, — возразил себе Димка. — Я — как скажет папа».

И вдруг понял, что решил самое главное. Да, он не убегает. Сразу же, как прилетит, он даст телеграмму Галине Петровне. Он повидается с отцом и вернется.

Покачивался вертолет, добродушно ворчал двигатель, успокаивающе лопотал несущий винт, и шумел, шумел над головой вал, что тянулся в самый хвост вертолета.

Он проснулся от яркого света.

— Здравствуйте, — услышал он знакомый голос.

Димка увидел черные сапоги с толстой подошвой. Его пробирала сонная дрожь.

— Вылезай, вылезай.

Димка поднял голову. Худое скуластое лицо Ивана Парфеньича испуганно отшатнулось.

— Что с тобой?

— Ы... ы...

— Ходи сюда.

Перед иллюминатором Иван Парфеньич, положив ладони на Димкины плечи, поворачивал его так и сяк, рассматривая.

— Понятно...

Иван Парфеньич достал ваты, смочил ее под кранком, что был на самом потолке, поставил Димку между колен, приказал закрыть глаза, и долго оттирал ему щеки и лоб. Обожгло, и Димка замычал.

— Это спирт, а я еще йодом буду, — пригрозил Иван Парфеньич, и в кабине резко запахло больницей.

— С чего аптека? — спросили наушники командирским голосом. А сверху, перегнувшись через сидение, на Димку смотрел летчик Леха.

— У нас, какжись, пассажир, — сказал он.

— Не смешно. Иван Парфеньич, обстановку? — потребовали наушники.

— Влипли...

— Конкретнее?

— Под чехлами обнаружил мальчишку.

Командир помолчал и спросил:

— Одного?

Иван Парфеньич измерил Димку уничтожающим взглядом и выдохнул:

— Одного.

— Ясненько.

— Это Димка, — сказал Иван Парфеньич.

— А йод?

— Царапина. Отмывал физиономию.

— Командир! Это он пожарный кран шурувал, — догадался летчик Леха.

— Благодарю экипаж за бдительность...

Спасибо, Иван Парфеньич.

Борттехник крикнул, отпустил Димку, раз и другой ударил ладонями по своим косяжкам коленям, потом поднялся, снял с крючка меховую куртку и подал Димке.

— Как прикажешь доложить диспетчеру?.. Анекдот, — сказал командир.

— Ну? — строго посмотрел на Димку Иван Парфеньич.

— Я, как сядем, сразу выйду, — пообещал Димка.

— А обратно?

— Только бы в Красный Порт, а там уж...

Иван Парфеньич захватил бритые щеки ладонью, с силой провел ею вниз и озадаченно поскреб подбородок.

— Зачем тебе Красный Порт?

— Там папа.

— Ах, какой ты... какой ты человек, Димка...

Мы в Баяutkan, на буровые. Совсем не туда.

Димка не поверил.

Он не мог поверить. И тогда Иван Парфеньич показал ему запечатанный сургучом мешок.

— Почта... На Баяutkan.

Димка шевельнул пухлой губой, вытянул, как гусенок, шею, озираясь и моргая. Его рука зачем-то искала карман куртки, но это была чужая куртка, карман был не на месте, но Димка все шарил и шарил, олаживая бархатистую кожу.

Палатки, палатки...

Два приземистых, подслеповатых барака... Новый двухэтажный дом с кумачовым платком над окнами, золотыми от солнца...

Дошатые мостки, грязь, лужи...

И снег. Он летит с желтоватых косматых тул. Крупные снежины тают на выветренных голых досках...

Баяutkan.

Сыро, свежо, ветрено. Желтеют горы опилок, пахнет щепой, пиленым лесом. Шлепают по лужам трактор с прицепом.

— Привезли? — кричит тракторист и кивает на Димку: — Это кто?

— Наш, наш. — И Иван Парфеньич говорит кому-то, чтобы поскорее катили бочки с бензином.

— Раз—два, взяли!!!

Рабочие катят бочки; их тут целый склад. Охранник в длинном тулупе, придерживая деревянные ворота, зовет Димку:

— Мальчик, ступай ко мне. Тут сухо.

У него ружье за спиной дулом вниз, доброе морщинистое лицо, потрепанная ушанка сбита набок.

— Нельзя, — отвечает Димка.

— Покажи-ка ноги, — требует Иван Парфеньич. — Ага, чистые. Залезай в кабину летчиков.

Летчики давно ушли в штаб буровиков, кабина пуста. Ага Димка усаживается на место Лехи, Иван Парфеньич молча стоит на ступеньках, с внешней стороны вертолета.

— Вот тумблер бензонасоса. Скажу «давай» — ты его вперед, «стопори» — назад. Понятно?

Димке понятно.

Трактор с прицепом разворачивается, разминает жирную грязь; из приоткрытой дверцы выглядывает голова в берете, тракторист улыбается Димке, и глаза-запятые превращаются в тире. «Чего он?» — думает Димка.

На стекла опускается снег и тает, оставляя звездочки. Справа — лес, сказочный, дремучий, черный; с поваленных стволов свисают бурые космы. Они шевелятся, ветер пошвыстывает в щель форточки, Димка плотнее закрывает ее, и ветра нет. А может, космы шевелит вовсе не ветер? Может, там медведь? Смотрит на вертолет, на летчика в стеклянной кабине?

Димка надевает пахнущий духами шлемофон летчика Лехи и громко говорит:

— Раз, раз, раз, проверка связи.

— Давай! — командует Иван Парфеньич.

— Вас понял, — говорит Димка и включает насос.

За лесом — горы, до хребта рукой подать. Белеют вершины, залитые солнцем, снег пестрит, искрится в голубом воздухе, а над лесом бледная радуга. Парит в небе большая птица — орел не орел, ворон не ворон.

— Сто-о-пори!..

Димка шелкает тумблером, и насос смолкает. Иван Парфеньич огромным железным шприцем набирает бензин из новой бочки, выливает в поллитровую банку и сыплет в нее порошок. Это марганцовка. Если бензин с водой — порошок окрасит его в розовый цвет. Иван Парфеньич долго и пристально, в точности как Азарий, рассматривает банку. Он в замасленном берете, у него длинный, облупленный от загара нос, глубокие складки на обветренных бугорчатых щеках, нависающие колючие брови. Улыбается он одним уголком рта, чуть-чуть, Димка так пробовал — не вышло.

— Что, хороший бензин? — спрашивает Димка.

— Подходящий... — отзывается Иван Парфеньич, переставляет шланг и говорит: — Давай!

Шуршит, шумит бензин, заполняя бак.

— А малец смывленный, — замечает охранник. — Такая техника!..

— Помощник, — слышится хриловатый голос рабочего.

— Однако, хлипок. Али не кормишь? — продолжает охранник.

— Зато жилист, — возражает Иван Парфеньич.

— Глаза не твои, мамкины...

— Плохо, что ли?.. Сто-о-пори!

Иван Парфеньич залез на нос вертолета, где двигатель.

— Сейчас еще маслицем заправим, подай-ка ведро и воронку.

Димка слезает по лесенке в грузовую кабину, находит и ведро, и воронку с желтенькой, будто шелковой, сеткой. Медовая струя льется в горловину бака, и Димка вспоминает шопера, озеро, головастика.

— Чего смеешься? — спрашивает Иван Парфеньич, передавая ведро вниз, рабочему.

— Где утром были?

— Столько километров, брат... На салфетку, протри стекла.

Кое-где у мостков зеленело. Солнце щеколато затылок, а из леса тянуло холодом и прелью, и мельтешил редкий снег.

— И солнце, и снег, и радуга, — так бывает, что ли?

— В Баяуткане бывает... Зря ты меховую куртку снял.

Мостки были узкие, Димка шагал впереди. Встречные еще издали уступали дорогу, удивленно улыбаясь Димке. Почему? Ладно, в той куртке с непомерно длинными рукавами он был похож на Пьеро, но вот надел свою, а — тоже.

— Иван Парфеньич, шишка заметная?

— Так себе. Снячок.

Димка потер лоб — и правда, не очень.

Бородач без шапки, с трубкой в зубах, шагнул с мостков в коричневую лужу.

— Парфеньич! Здорово, старик!

И Димке:

— Здорово.

Подержал Димкину ладошку, по-птичьей склонил чубатую голову.

— В каком классе?

— Четвертом.

— Совпадает! А в смысле двоек?

Димка промолчал.

— Плохо. Дерешься?

«Что ему надо?» — подумал Димка.

— Впрочем, ясно и так. — Бородач вынул сверкающую шариковую авторучку. — Держи! И чтоб без двоек, алё?

Димка оглянулся на Ивана Парфеньича, но бородач крепко нажал пальцем на Димкин нос и сказал:

— От подарка не отказываются... Парфеньич, сегодня и обратно? Жаль!

— А говорили «незаметная», — обиженно сказал Димка, когда бородач ушел.

— Это ж геолог, он сквозь землю видит. От него спрячешь? — возразил Иван Парфеньич.

Димка сунул авторучку в карман. Внимание этих незнакомых людей было непонятным. Когда он гостил у тети Нюши, ее соседи здоровались с ним, иногда спрашивали о том о сем, но в их вопросах была какая-то беглость, сожаление какое-то, словно он, попавшись на пути, чем-то помешал, отвлёк от нужных и спешных дел. Димка научился отвечать им коротко и быстро, да и вопросы он знал наперед. Шоферы, с которыми он изрядно поездил, — случайные люди, имен которых он не знал, — отнормались к Димке проще. Ему нравилось беседовать с ними; он помалкивал, если шофер был молчун, охотно говорил, если видел, что шоферу интересно слушать.

Но сейчас он растерялся. Он подумал: это командир и летчик Леха рассказали, кто он и что он и куда летел. Сначала узнали их друзья, что встречали вертолет, а от них — остальные. Поселок маленький, воскресенье, скучно, вот и любопытно им. И в столовой, куда он сейчас войдет и где обедают летчики, все уже знают о нем и будут смотреть по-особому, начнут расспрашивать...

Димка остановился.

— Я не хочу есть...

— Ась? — изумился Иван Парфеньич.

— Буду у вертолета.

— Горяченького надо, что ты!.. За чем к вертолету? Я ж закрыл, охраннику сдал. Идем, Димка. Не могли сметь!

В передней Иван Парфеньич подал Димке расческу. Вообще Димка вполне обходился без нее, но сейчас старательно пригладил короткий ежик. Народу в столовой было немного; у большого окна, где сидело несколько человек, кто-то негромко наигрывал на баяне.

— Быстро вы, — сказал летчик Леха и подцепил из сковородки кусок омлета.

— С помощником долго ли, — сказал Иван Парфеньич. — Эту сковородку сам уломал?

— Зиночка! Накорми товарищей, — распорядился летчик Леха.

Официантка, стоявшая у раздаточного окна, оглянулась.

— Несу, несу... — ее расширенные глаза смотрели на Димку, не мигая.

Димка рассмеялся.

— Господи... Девочки! Кто у нас! — крикнула она в окошко.

Оттуда выглянула повариха.

— Ма-а-а-льчик... — протянула она. — Правда, мальчик!

— Яичницу ему, — приказал летчик Леха.

Зиночка подбежала, наклонилась и, улыбаясь, спросила, как его зовут и будет ли Димка есть оладышки.

— Буду, — сказал Димка.

— Как же ты сюда попал?

Димка смеялся.

И стих баян.

Летчик Леха хотел что-то сказать, но Иван Парфеньич строго кашлянул.

— Неси-ка, Зиночка, что есть, — глуховато произнес он. — Мы проголодались, а ты, понимаешь...

Зиночка погрозила ему пальцем.

— Ну, Иван Парфеньич! Так вот какой ты холостяк! А еще...

— Ладно, ладно... Командир-то пообедал?

— При чем тут командир? Димка, ты какое варенье любишь? Сливовое любишь?

— Мы — всякое, — ответил летчик Леха. — Но сливовое — особенно.

— Ага, всякое, — снова осмелел Димка.

Пока обедали, летчик говорил о метеосводке, о грузах. Димка слушал в пол-уха, украдкой поглядывал туда, где сидел баянист — черноволосый, глазастый, в тельняшке, что виднелась из распахнутого ворота.

Когда заканчивали с оладьями, баянист поднялся и не спеша подошел к столу.

— Извзняюсь, — сказал он. От него пахло вином.

— Вам что? — строго спросил летчик Леха.

— Гога, не мешай людям! — крикнула повариха.

— Гога не мешает, ты мешаешь... — он улыбнулся Димке. — Прэджоление. Просьба — у ребят...

— Какое предложение? — еще строже спросил летчик Леха.

— Димка тэбя зовут?.. Спой нам, Димка.

Димка опешил.

— Я играю — ты поешь. А? Повэселим народ... Что хочешь спой.

Иван Парфеньич переглянулся с летчиком Лехой и внимательно посмотрел на Димку.

— Чего это они?.. — тихо сказал Димка.

Иван Парфеньич укоризненно посмотрел на него.

— Дичок, ну, дичок... На Баяоткане сроду детей не бывало. Ребятишек... Ни одного пацана.

И Димка сказал:

— Я только сначала выпью компот.

— Это обязательно, — согласился баянист.

Вертолет приземлился на аэродроме. Иван Парфеньич помог Димке вынести подарки: ме-

шок с рыбой, чучело орлана и ящик с образцами горных пород.

— Когда будем взлетать, держи птицу, чтоб не отбросило. Записочку учительнице отдай, не потерял?

— Нет...

Огни на концах лопастей описывали светящееся кольцо, в белом свете серебрилась полетная от ветра трава, малиново отсвечивали раскаленные патрубки двигателя, а остальное пряталось в густой предночной тьме.

Иван Парфеньич протянул для прощанья руку, Димка свою.

— Мы еще летаем, Димка! — твердо сказал Иван Парфеньич.

Ускорили бег длинные лопасти, и Иван Парфеньич шагнул к кабине.

— Всего, Димка! — крикнул сверху командир.

Вертолет взлетел, неся над собой прозрачный светлый круг, сияя зелеными, белыми, малиновыми огнями, нарядный, как новогодняя елка, и ветер послушно убежал за ним.

Димка оглянулся. В освещенных окнах интерната торчали горошинки голов. Ребята выбегали на крыльцо и исчезали в фиолетово-черной темноте. Оглохший от долгого полета, он не слышал топота ребячьих ног и голосов тоже не слышал — к нему бежали тени. Димка кинулся к ящику с образцами и выхватил твердую папку. В ней лежала Золотая грамота Первому Пионеру Баяоткана.

Первым подбежал Серега, крикнул:

— Где ты был?

— На Баяоткане... С Иваном Парфеньичем.

Серега удивленно открыл рот.

— Я тебе потом расскажу.

А Галина Петровна подошла, погладила чучело и сказала:

— Орлан белохвостый. Прекрасный экземпляр.

СТИХИ
ТВОИХ
РОВЕСНИКОВ

ГЛЯДЯ НА НЕБО

Не хочу, чтобы сталью искрился рассвет,
Чтоб закаты зловещие кровью играли, —
Пусть нам утро подарит серебряный свет
И малиновый отблеск — вечерние дали.

Пусть не знает мальчишка двенадцати лет,
В темноту небосвода ночного глядящий,
Что похожа комета на трассера след,
Над окопами огненной лентой горящий.

Юра Корольков, 9 кл.,
г. Калуга

А. Шибанов НЕЧЕГО

РАССКАЗ

Недолюбливаю я эту Алку Лютикову. Надоела она мне до жути.

Все девочки как девчонки: в класс войдут — их и не заметно. А этой еще нет, а уже слышно — идет! Голос у нее такой, сразу узнаешь...

Ну вот, пожалуйста, — явилась. Задавака.

Говорят — симпатичная. Может быть.

Но если разобратся, то не лучше других.

И не умнее. Хотя и отличница.

Взять меня, например. Что я — не мог бы стать отличником, если б захотел? Мог бы.

Значит, нечего и задаваться.

...Да-а, лучше бы этой Лютиковой не было в нашем классе, было бы куда спокойней!

А то — как уставится на кого, так и смотрит, и смотрит своими глазами.

Вот сейчас на меня уставилась. Не вижу, а чувствую.

А чего уставилась? Что я, красавец какой, что ли? Смотрела бы на своего Славку Горского. Тем более что и он в нее по уши втрескался, сразу видно.

Вот вам и пара. Ромео и Джульетта!

А я — что? На меня нечего смотреть.

Я — не Ромео.

Я учительницу слушаю.

Для чего я сюда хожу? Учиться. А не дурака вальтя. Вот так.

...Раз она почему-то в школу не пришла, так я отдохнул, честное слово.

Красота! Никто перед твоими глазами не крутится.

Сажу себе спокойно.

«Ишь, — думаю, — не пришла. Не иначе — контрольной испугалась. Трусиха. А еще отличница. Позор!»

А дома нарисовал на нее карикатуру. И написал:

«Не пришла сегодня Алка.

Ну и пусть, ничуть не жалко».

...Однажды фотографии свои принесла. Цельную кучу. Ребятам показать.

Расхвасталась:

— Вот какая я маленькая была. Здесь мне всего два годика... А это — когда я в первый класс пошла...

Все стали смотреть.

Я тоже.

Одна карточка на пол упала. Самая новая. И никто не заметил.

Рисунок Г. Ясинского

Ту карточку я себе взял.

Так, для интереса. Пускай, думаю, поищет...

А она и не спохватилась.

Потом, через месяц, наверно, достая из кармана, показываю:

— Гляди, Лютикова. — узнаешь?

А она:

— Отдай, зачем взял?

А я не отдал.

Зачем отдавать? Что у нее — других мало, что ли?

Не велика ценность.

...Потом я эту фотографию увеличил. Портрет нарисовал. Красками.

Так, от нечего делать.

По-моему, ничего получилось.

На перемене, когда в классе никого не было, сказал:

— На, Лютикова, держи. Это я просто так нарисовал, для практики...

А она:

— Ой, и не похоже ни капельки!

И фыркнула.

Фыркнула, а портрет взяла!

Но если не похоже — зачем брать? Не похоже — отдай назад, и нечего тут...

В общем, с тех пор невзлюбил я ее, эту Лютикову.

Окончательно невзлюбил.

До того невзлюбил, что теперь думаю: а не податься ли мне в другую школу?

Или хотя бы в другой класс? В смежный...

Или, может, попробовать пересесть на другую парту? Где-нибудь сзади...

Чтобы не видела меня.

Чтобы не мешала нормально учиться.

Не отвлекала от дела.

Не сверлила бы своими глазами!

Улан — кавалерия. Уланский мундир — фуражка, шапка — фуражка. Наг — ограда (XVII в.).

Так в XIX веке выглядел рядовой гвардейского полка.

Парадная форма сержанта, солдат в мундире Советской Армии наших дней.

В разные времена русские солдаты одевались по-разному.

Длинные кафтаны ярких цветов — это стрельцы. На груди у них тугой ряд петлиц. Шапки — конусообразные, отороченные мехом.

Вообще-то похоже на обычный, «штатский» костюм того времени, — но ведь стрельцы еще не были профессиональными воинами и, кроме царевой службы, занимались каждый своим хозяйством.

При Петре I русская армия стала регулярной. Но вначале проходил специальное военное обучение и становился солдатом на всю жизнь. Теперь у него не было побочных занятий: его профессия — только война. И Петр одел свою армию в мундиры, удобные для боя и для похода.

Солдатский кафтан петровской армии стал короче и легче. Исчезли петлицы — зато появились большие карманы и широкие обшлаги. Все солдаты надели треугольные шляпы — кроме гренадеров, которые носили шляпы без полей, для того чтобы удобнее было захватываться при метании гранаты.

В этом обмундировании русские солдаты прошли всю Северную войну 1700—1721 гг. и одержали блестящие победы при Лесной, Подтае, Гангуте.

Ко времени наполеоновского нашествия 1812 г. мундир стал гораздо менее практичным, чем в петровские дни. Он сделался похож на тесный фрак с фалдочками. Зато русские солдаты, особенно кавалеристы, были одеты очень многоцветно и ярко.

По цвету мундиров полководцы со своего наблюдательного поста легко могли различить, что происходит на поле боя, и быстро отрядить необходимые подразделения. Ведь в те времена

Н. Слепакова, Р. Сот

сражения разыгрывались на сравнительно небольшой площади.

Автоматическое дальнобойное оружие (особенно пулеметы) заставило военных переводиться в незаметную, неброскую защитную форму. Во время первой мировой войны в большинство европейских армий уже было введено полевое обмундирование различных оттенков зеленого цвета. Сменили форму и русские солдаты: прежний мундир зачастую был слишком хорошей мишенью...

В годы гражданской войны наша Красная Армия испытывала необходимость использовать старое, дореволюционное обмундирование, только звездочки появились на фуражках и шлемах. Затем в солдатской форме произошли значительные изменения. К началу Великой Отечественной войны советские воины носили свободные гимнастерки с отложным воротником, шаровары, высокие сапоги, фуражки или пилотки. Зимой солдаты надевали шинели или ватные телогрейки, а на голо-

ву — теплые шапки-ушанки.

Гимнастерка, в которой вошел в Берлин советский солдат-освободитель, была уже не похожа на ту, в которой солдат начал войну: отложной воротник сменился стоячим, она стала напоминать старинную русскую солдатскую рубаху. Дело в том, что еще 15 января 1943 г. в Советской Ар-

мии были введены погоны. Этот возврат к традициям прошлого явился как бы наградой для всей нашей армии. Именно в начале 1943 года советские воины прорвали блокаду Ленинграда, а вскоре, в феврале, одержали победу в Сталинградской битве.

Как же одеты наши солдаты в настоящее время? Гимнастерку сменила очень удобная куртка на пуговицах. Она легко надевается и легко сбрасывается, а это в боевых условиях немаловажно.

До сих пор на вооружении Советской Армии стальная каска, наследница богатырских шлемов. В жарких районах наши солдаты носят шляпы с полями. Особые го-

ловные уборы получили специальные рода войск: воздушно-десантные войска носят голубые береты, морская пехота — черные.

При парадной форме теперь положены фуражки и перчатки, ее украшают белый пояс и аксельбант на плече.

Иногда, в торжественных случаях, частью формы является и парадное оружие: у морских офицеров — кортик, у ассистентов при знамени — шапка, та самая, о которой мы рассказывали в февральском «Костре» (к сожалению, в ее описании вкралась ошибка; следует читать: длина клинка — 80 сантиметров, длина эфеса — 14 сантиметров. Ред.).

На плечевых ремнях одно-

временно крепятся вещешок, гранатная сумка, лопатка, фляжка, скатка шинели или плащ-палатка. Плащ-палатка, кстати, по-прежнему верно служит солдату. Его можно накрыться, в нее можно завернуться, она спасает от ветра, дождя и снега, — словом, «работает» и зимой, и летом.

Многим из вас, ребята, скоро предстоит надеть военную форму.

Пусть тогда вам вспомнятся старинные выражения — „честь мундира“, „нельзя марать мундира“. Это значит, что все ваши поступки, все ваши мысли должны соответствовать высоким традициям отцов и дедов.

Рисунки Е. Аносова и О. Зуева

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит по редакции календаря второго дня С. Сазарова Оформление Р. Попова

Год издания 17-й

ЭСТЕРГОМСКИЙ МОСТ

Великая Отчужденная война шла к концу. Советская армия освободила страны Европы, захваченные фашистами — Польшу, Югославию, Чехословакию, Венгрию.

В марте 1945 года советское командование готовило десантную операцию на Дунае. Среди развалин Эстергомского моста нужно было развести проходы для бронетранкера.

Как это было сделано, рассказывает бывший разведчик Краснознаменной Дунайской флотилии Алексей Александрович Чхеидзе...

Все, что осталось от некогда прекрасного Эстергомского моста, это каменные башки и фермы, рундухи в Дунае.

Ночь — хоть глаз выколи. Наш легкий полугуссер скрывает на волнах. Между башками — буруны и пена, из воды торчат остатки ферм. Нет, в первый пролет моста не пройдем, сразу видно... И средний завален основательно. Идем к третьему, последнему. Неужели нас ждет неудача? А ветер пронизывающий, брызги летят в лицо. Дунай — черный и холодный. И на обочих берегах — фашисты... Но на разрушенном мосту — никого: враг дурачет, что охранять развалины ни к чему...

— Эсть, — оборачивается ко мне Вася Глоба, старший группы, — метров пять шириной и глубина — достаточная. Что ж, для начала неплохо. Но динна прохода метров тридцать, и хоть на воде ничего не видно, но что таится под водой? Глоба раздается и, дернув руками за борт, в ледяной воде прощупывает глубину. Пенные волны плещут, как бешеные. Если Глоба сорвется, погибнет неизбежно... Я медленно веду катер-полугуссер против течения и не спускаю глаз с белого лица Глобы. Несколько метров проверено — чисто. Глоба вваливается в катер, а в воду уходит Любши Жоржевич. Любши — серб по национальности, в прошлом членом Белградского Боску. К нам, разведчикам, он пришел в 1944 году, помогая освободить Венгрию. Вот и еще несколько метров прощупано. Только

А. А. Чхеидзе 1944 г.

бы фашисты на берегу не услышали звук нашего мотора...

Жоржевич подтягивается на руках. Он закоченел и зашиб ногу. Теперь моя очередь идти в воду. Нащупываю ферму моста, уходящую вниз, косо под воду, и ныряю. Ледяная вода обжигает тело, но я ныряю снова и снова. Пройдены последние метры, но я вдруг сильно ударился обо что-то головой, течение срывает меня и отбрасывает под мост, крутит в бурнах, меня пенной... Катер подбывает меня. Не узнавая собственного голоса, докладываю Глобе:

— Проход полностью безопасен...

А Эстергомский мост уже позади. Завтра в разведанный нами проход вернутся наши бронетранкеры с десантом и отбросят фашистов от Эстергома и Тага, двух венгерских городов, за которые они еще безнадёжно цепляются...

Полугуссер вичит в расположении наших вояк.

ЖИЗНЬ МОРЕ

САМЫЙ ЯДОВИТЫЙ

В июне 1967 года трое ныряльщиков исследовали подводные скалы неподалеку от Симлы. Один из них, Джемс Вард, пошел и положил на

ладонь маленького синеватого осьминога. Укус он не заметил, но спустя полчаса умер... Оказывается, Джемс Вард поймал Голубого кольчатого осьминога — самого ядовитого из всех известных ядовитых осьминогов. Этот маленький головонгий моллюск (всего около десяти сантиметров в длину) встре-

чает вдоль всего побережья Австралии на небольших глубинах. Противодие от укуса Голубого кольчатого осьминога пока не найдено.

С. Степаньич

СУДНО БУДУЩЕГО

Такого судна пока еще нет, оно — в проектах конструкторов-судоостроителей. Но когда трейдерный катamarан на воздушной подушке сойдет со стапелей, это будет удивительное судно. В нем соединятся достоинства трех различных судов: СВП (судно на воздушной подушке), катamarан и контейнеровоза. Контейнеры — на автомобильных колесах — прицепах и вези с судна по разным сухопутным адресам... Новое судно задумано устойчивым, быстроходным и мореходным. Модели его уже испытываются.

СООБЩАЮТ ЮНКОРЫ

«Я делал модель «Арорры», но мне не все было ясно, как делать. Мне сказали, что в Ташкенте, в Музее В. И. Ленина есть модель «Арорры». Я поехал в Ташкент и долго ходил по Музею Ленина. Видел макет дома Владимира Ильича, его комнаты, номера газеты «Искра» и модель броневика, с которого Ленин выступал на вокзале в Петрограде. Потом я отыскал и модель «Арорры». Это большое судно, сделана хорошо. Все видно: где пушки, где что. Теперь мне стало понятно, как сделать свою модель.

Саша Киселев, ст. Барраж Ташкентской области.

Мой кораблик — не простой, мой корабль — сторожевой. Повелешь там и тут, охраняет мирный труд.

Вова Прийма, 12 лет

ДЕЛА МОРСКИХ КЛУБОВ

«В нашем КЮМе занимается шестидесять детей. Мы изучаем историю корабля, пугиравного дело. Ходили в поход в Уй-губу на шлюпках; следующий поход планируем в Кизи. Меня выбрали старшиной клуба.

Павел Аншник, Петроаводск

«Собором, что переехал из Н.-Донецка в село Воробьевку. Я был очень расстроен, расставшись со своими ребятами, да еще и «Кюстер» перестал получать. Но теперь снова ко мне приходит «Кюстер», и жизнь наладилась. И здесь, в Воробьевке,

я решил организовать Клуб юных моряков. Для начала силы плав местности. На берегу озера у нас будет летний штаб.

Володя Федюк, село Воробьевка Целиноградской области.

НОВОЕ В КУНСТ-КАМЕРЕ

«Я собираю почтовые марки с изображениями кораблей. У меня есть марки с французскими, русскими, английскими историческими кораблями. Особенно много у меня марок Поль-

ской Народной Республики с картинками кораблей. По-польски я читать не умею, но знаю английский. Цитирую стихотворение. Поэтому я и смог прочесть, что это за корабль на марках.

Это — греческая триера, фрегат девятнадцатого века и средневековой европейской когги.

Южко Саша Смирнов, Лемберг, школа № 511а

ГЛИНЯНАЯ СКАЗКА

Медовуха Ира Смирнова

ЛЕВ Костя Сосновский
Слон Наташа Чарушина

...Их вынимали из оставшей печи, и они блестели разноцветными боками, радуясь своему рождению. Их встречали веселые возгласы. Они переходили из рук в руки. Потом они гурьбой захватили стол, и каждый стремился проявить свой характер: олень гордо крутил рогами, лев рыча, надувая щеки, слон хвастался великолепными ушами, собачонка дружелюбно виляла хвостиком...

А ребята смотрели на них блестящими глазами, узнавали и не узнавали их, вылепленных и раскрашенных ими питомцев.

Впрочем, когда их красят особыми, почти бесцветными на вид красками по однотонной, просушенной глине, неповсященный ни за что не догадается, какой радугой засверкают после обжига их глиняные шкурки. Это настоящее искусство — увидеть в серо-зеленой фигурке богато и со смыслом расщеченное существо.

Ира Смирнова почти всегда заранее представляет свою скульптуру в цвете. А Наташа Чарушина, самая маленькая девочка в кружке, на вопрос, какого цвета будет ее зубр, ответила: «Я еще не решила». Ей важнее было вначале вылепить как следует горбатую спину и упругие ноги своего зверя. У Иины Новожиловой тоже есть природное чувство формы. Ее фигурка «Шла девица за водой», показанная вместе с другими работами кружковцев в Русском музее, пленяет своей пластичной грацией. Костя Сосновский хорошо чувствует и форму, и цвет. Ребята прозвали его Костя-египтянин за любовь к египетскому искусству. У него даже есть самостоятельная, очень красивая скульптура под названием «Фараон».

Конечно, руководитель керамической мастерской Ростислав Мартынович Гервельд стремится к тому, чтобы все его воспитанники умели и лепить, и раскрашивать. Но у каждого скульптора свои склонности. Ростислав Мартынович с этим считаетесь и никогда не заставляет делать то, к чему не лежит душа его ученика. Он, естественно, ставит перед ними задачи. Но каждый выполняет их по своему разумению.

Вот Слава Румянцев лепит носорога. Носорог явно не простой, а доисторический. «Древний», как выражается сам Слава. Он видел таких в книгах «Борьба за огонь», «Пещерный лев», «Охотники за мамонтами». Это он тоже охотно объясняет. Что ж, скульптор обязан хорошо знать то, что лепит. Знания — фантазии не помеха.

Ростислав Мартынович оглядывает со всех сторон носорога и спрашивает Славу: — Может быть, прибавим ему длину передних ног? Для слона?

Слава придирливо смотрит на зверя, молча соглашается, снова возится с ним, а затем опять просит оценить.

— Вот видишь, гораздо лучше, — одобряет Ростислав Мартынович. — Ну, а что еще нужно твоему носорогу?

Слава опять задумывается, опять ищет для него самых выразительных пропорций и линий.

Носорог получается на славу. Автор, кажется, доволен.

— А может он кого-нибудь затоптать? — озабоченно спрашивает мальчик.

— Такой носорог может, — улыбается Ростислав Мартынович.

Он тоже доволен этой работой Славы. Носорог именно такой, что в нем передан порыв сердито кого-нибудь «затоптать». Это «древний» носорог, а не какой-нибудь там смиряга из зоопарка.

Самое, пожалуй, привлекательное в работе кружковцев Дома пионеров и школьников Куйбышевского района Ленинграда то, что они добиваются беспорной выразительности скульптуры. Уж если это волк, то — шерсть дыбом и страшная пасть; олень — стремительность и настороженность; «Боярыня с медовухой» — гостеприимство и доброта.

Пусть вас не смущает отсутствие мелких деталей, «обобщенность» формы. Это ведь не копия природы, а фантазия по поводу того, что есть в жизни. Как в сказке.

Одна мама, заглянув в мастерскую и увидев только что вылепленную скульптуру пряхи, спросила у дочки:

— А лицо?

— В старину были такие лица, — убежденно ответила дочка, не вдаваясь в подробные объяснения и, очевидно, представляя, как засветится и это «обобщенное» лицо и вся фигурка, когда ее раскрасят и обожгут в печи.

А Ростислав Мартынович мягко объяснял маме:

— Вы посмотрите, как верно схвачено движение! Ведь она живет. А это главное.

И он учит ребят передавать в скульптуре и в рельефе это «движение жизни». Учит в мастерской во время занятий, учит, отправляясь с ребятами в зоопарк, в этнографический музей, учит, объясняя простую, выразительную скульптуру Древней Греции, Египта, народной игрушки.

Иными словами, в кружке идет творческая, кропотливая работа. А кроме работы с глиной, ребята учатся рисунку в студии ИЗО. Ведь какой же скульптор без умения грамотно рисовать? Для того чтобы вылепить, например, свой рельеф «Охота», который вы видите на фотографии, Сережа Чураков должен был нарисовать его эскиз. А затем учел, по эскизу, работая с глиной...

Работают ребята по-разному.

Слава лепит молча, сосредоточенно, отвлекаться не любит. Наташа — тоже, хотя и поглядывает, что делают другие. Ира — непоседа; лепит и говорит сама с собой. А Костя Сосновский и Сережа — друг с другом. Сережа подчас и задираться и гуг же припечатал его стиком: «Организованной толпой коровы шла на водопой». Соседа не обижается. Наоборот. Олень и впрямь пока еще больше смахивает на корову...

Вот так, два раза в неделю, с шутками, смехом, но серьезно и увлеченно, под ласковым, внимательным присмотром руководителя занимаются ребята в своей любимой мастерской на берегу Фонтанки. Их у Ростислава Мартыновича пятнадцать человек. Приобщаются к большому искусству, учатся лучше понимать искусство и жизнь и сами доставляют радость тем, кто смотрит на их работу.

И. Смольников

ОХОТА
Сережа Чураков

ЦАРЕВНА
Ира Смирнова

ШЛА ДЕВИЦА ЗА ВОДОЮ Иина Новожилова

Яков Железняк

Таня Усачева

Ира Мичурина

СОВЕТУЕТСЯ,
СПОРИМ,
УДИВЛЯЕМСЯ,
РАДУЕТСЯ...

РАЗГОВОР В ШКОЛЕ ЧЕМПИОНОВ

57-я одесская школа.

Здесь на каждом шагу — кубки, грамоты, вымпелы...

Дважды за последние годы 57-я привозила в Одессу кубок «Дружба», учрежденный польской газетой «Свят молодых» и ежегодно оспариваемый юными легкоатлетами-четырёхборцами многих стран. Вот и захотелось поглядеть на спортивные успехи ребят их же глазами.

Разве не интересно, как живут в дружке те, кто пока еще далек от чемпионских званий любого масштаба? Или — кто и не собирается пожинать лавры на спортивной ниве?

57-ю называют «школой рекордсменов и чемпионов». Итак, слушаем рекордсменов и чемпионов и менее именитых товарищей.

Наш дискуссионный клуб заседает с повесткой дня: «Чего ты ждешь от спорта? На трибуну один за другим поднимаются пионеры 57-й одесской школы.

И первая из них Таня Усачева (7 «б»):

— Люблю смотреть, как играют в волейбол и баскетбол. А меня — не тянет. Все равно после окончания школы некогда будет бегать и прыгать. Зачем же сейчас попусту тратить время и силы?

Слово шестикласснице **Ире Мичуриной**:

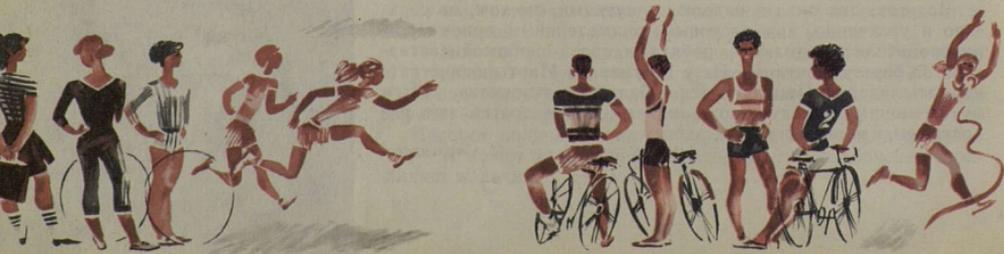
— Помню, еще маленькой, ходила смотреть, как папа в волейбол играет. Здорово у него получалось! Он и сейчас иногда, хоть очень занят своими врачебными делами, посещает занятия волейбольной секции. Я тоже хотела бы всерьез заняться спортом, но никак не могу уложиться с временем. Понравилась легкая атлетика, сходила раз-другой на секцию и не успела уроки сделать. А я ведь возглавляю звено «Поиск», мы переписываемся с пионерами Бреста. И в учебе звеньевая должна пример подавать. Пришлось бросить школьную секцию лег-

кой атлетики, хотя учитель физкультуры Михаил Карлович сердился и несколько раз повторил: «Ира, ты же очень способная!» Мне кажется, что я способная не только к легкой атлетике — уж как-нибудь проживу без нее.

«Без нее», между прочим, или почти «без нее» проживает ни много ни мало — семнадцать девчонок и мальчишек пионерского отряда (из 31 возможных), совет которого Ира возглавляла в 4-м и 5-м классах. Никто не отрицает пользы физкультуры и спорта, «но время, время! Где его взять?»

Андрей Савельев (7 «в»):

— Прожить без спорта? Я, например, очень и очень люблю музыку. Недавно сел разбирать 21-й прелюд Баха и не заметил, как три часа пролетело. Но как бы ни был занят, стараюсь всегда уделять хоть полчаса легкой атлетике. Каким был бы я без нее? Хилым и слабым, как всего пять лет назад.

Андрей Савельев

Таня Нехлюдова

Саша Чевычелов

Сергей Алексейчук

Помню, как пришел с мамой в бассейн. Приняли. Поплавал немного и бросил — не понравилось. Из гимнастической школы уже меня самого попросили: из-за высокого роста я зацеплял ногами маты.

А вот легкую атлетику полюбил сразу. Когда бегу, легко и радостно. Еще больше люблю прыгать. Приятно ощущать, что ты ловок и здоров.

Очень нравятся тренировки. Даже больше, чем соревнования. Мне совсем безразлично, какое место займу. Главное то, что я в силах пробежать и прыгнуть так быстро или далеко, как мне хочется. Что может быть лучше?!

Здорово же все-таки научился Андрияша... распределять свое время. Он и музыкой занимается, и на курсах английского языка. И всюду успевает. Потому что хочет успеть.

Но девиз (олимпийский, между прочим!) — «главное — участие!», начертанный на спортивном стяге Андрея Савельева, не по душе семикласснице **Тане Нехлюдовой**:

— Если бы Андрияшка хоть раз познал радость победы в

соревнованиях, он выходил бы на старт при каждой возможности. До сих пор помню, как несколько лет назад впервые раньше других девчонок коснулась финишной стенки. Радости было — на неделю. Значит, не зря бегала по два раза в день тренироваться в бассейн.

Плаваю с семи лет. «Заработала» уже звание кандидата в мастера. После этого мы с тренером Борисом Дмитриевичем Зеновым еще больше увеличили нагрузку, чтобы достичь мастерского норматива и попасть на первенство страны.

Меня все время удивляет, как это в нашем седьмом «б» получается: есть несколько отличных спортсменов — легкоатлеты Света Дорожинская, Гена Гречко, шахматист Дима Боним, а класс, по-моему, самый неспортивный в школе. На физкультуре сразу видно, кто всерьез занимается только музыкой: у них упражнения получаются почти всегда плохо. Мне кажется, с такими нужно проводить дополнительные уроки по физкультуре. И заставить отчитаться на совете отряда. А то как же так:

участуем в пионерском марше, в котором есть и направленные «Сильные, смелые, ловкие», а подтянуться хотя бы раз на перекладине не можем...

Вот как, значит, обстоят дела в седьмом «б»: несколько чемпионов, а вокруг — антиспортивный вакуум. И совсем наоборот должен чувствовать себя Саша Чевычелов из шестого «б». Класс его — лучший в городе (во всей миллионной Одессе!) по исполнению гимнастического многоборья — и гимнастического, и особо популярного среди ребят 57-й школы легкоатлетического. Одна у Саши страсть — авиамоделизм:

— Ходил сначала в школьный кружок, но потом Анатолий Осипович перевел меня на станцию юных техников. Когда мастерю модель, забываю, который час.

Между прочим, Саша пробыл два года назад и бежать по гаревой дорожке, и прыгать на настоящем секторе, но потом заболел и бросил. «Трудно стало бежать», — говорит. Михаил Карлович, правда, уверял парнишку: «Поднатужуся немного

и снова легко победишь». Не «поднатужил».

Видимо, не слышал Саша о том, как десять лет назад защищал спортивную честь пионерского отряда имени героя лейтенанта Орликова такой же шестиклассник Толя Федиско. А случилось вот что. Команда 57-й, в составе которой Толя числился сильнейшим прыгуном в высоту, направлялась в Будапешт. В предыдущем году юные одесские пионеры в трудной борьбе уступили кубок «Дружба» болгарским ребятам и теперь «жаждали реванша». По дороге же в столицу Венгрии Толя оступился на ступенях вокзала. Нога сразу вспухла, и ее обложили мороженым. В дело пошли десятки брикетов и эскимо, которые с удовольствием съели бы в этот жаркий день Толины друзья. Два дня спустя Толя вышел на будапештский стадион и, оттолкнувшись не «толчковой» ногой, преодолел планку на высоте 1 метр 56 сантиметров (рекорд соревнований 1 метр 68 сантиметров). Парень превозмог боль и помог команде завоевать почетный трофей. 49 медалей увезли тогда одессы-

ты из Будапешта, из них 26 — золотых.

Мне кажется, что подобные же упорство и воля — у пятиклассника Сережи Алексейчука, выбравшего себе одну из труднейших «спортивных специальностей» — прыжки в воду:

— Мой старший брат Вова тоже прыгает. Сначала я боялся, а потом ничего — привык. Жалко только, что зимой не прыгаем в воду — в Одессе нет закрытого бассейна с вышкой и трамплином. Зато по 3—4 часа в день тренируемся на батуте. Это тоже интересно.

Я уже имею первый разряд. А хочу стать чемпионом страны и поехать на олимпиаду. Как Яша Железняк.

Здесь все — не только двенадцатилетний Сереза — называют тридцатидвухлетнего Якова Железняка, чемпиона XX Олимпийских игр по стрельбе, Яшей. Потому что именно в стенах 57-й школы начал он свой спортивный путь. У того же неутомимого энтузиаста Михаила Карловича Гальперина.

Итак, слово обладателю одной из пятидесяти золотых на-

град, увезенных советскими спортсменами из Мюнхена, Железняк:

— Семнадцать лет прошло с того дня, как впервые взял я в руки винтовку. И с тех пор ни на день не расstaюсь с ней. Должно надоест? Мне ничуть не надоело. Все время, как за жар-птицей, гоняюсь за новыми и новыми «прибавками» к лучшему результату.

На какие бы высоты ни поднимался спортсмен, можно достичь еще большего. И медленно подниматься вверх по такой лестнице доставляет огромную радость и гордость. Меня прекрасно поймут Таня Нехлюдова и Сереза Алексейчук.

Бывает и так, что не определишь сразу любимого вида спорта, как это получилось у Андриуши Савельева. Ищи! Теперь ведь условия намного лучше тех, в которых приходилось начинать моим сверстникам. Найдешь, и тогда вряд ли быстро расстанешься со спортом.

Конечно, не всем, даже далеко не всем, суждено стать чемпионами. Но разве только чемпионскими лаврами прекрасны легкая атлетика, гимнастика, плавание, волейбол, моя любимая пулевая стрельба? Нет, тысячу раз нет! И мне искренне жаль Таню Сачеву и Иру Мичурину, до сих пор не познавших радости спортивных удач, пусть даже самого малого масштаба, не вкусивших эликсира бодрости, даримого физкультурой и спортом.

Пионер должен, просто обязан быть сильным, смелым, ловким. Но как же приобретут эти качества девочки или мальчики, если на уроке физкультуры они исполняют упражнения словно из-под палки, а на соревнованиях их и трактором не вытащишь? Наши пионеры в общем-то смелые. Пусть же станут они сильными и ловкими.

И чем скорее — тем лучше!

От редакции «Костра»
в спорте участвовал
спортивный обозреватель
Михаил Эстерлис
Фото Мих. Рыбака

ПРОГУЛКА

Овсей Дриз

Нежился пруд на зеленой постели.
— Доброе утро! — птицы свистели.
И я увидел на дорожке своей,
Как поклонился цветку муравей.
Семейка опят, приподняв свои шляпки,
Доброго утра желала козявке.
А на жуке развезжали росинки,
Так и блестяли на бронзовой спинке.
Светло отражались в пруду облака.
И вдруг я увидел в воде чудака,
Который стоял предо мной вверх ногами.
Мы улыбнулись и стали друзьями.
Видно, и вниз головою нетрудно
Кому-то гулять в это доброе утро.

Перевел с еврейского Г. Сагир
Рисунки В. Трубицкой

ТИЛИНЬ

Даниил Норин

В далекие-далекие времена появился в одном маленьком городке странный человек. Жители, стоявшие на порогах своих домов, удивленно смотрели, как человек шел, нет, вернее, летел по улицам. Жители — толстые, неповоротливые люди — старались получше рассмотреть пришельца, но это им не удавалось, так как человек был прозрачен.

Поселился он в заброшенном домике на самой окраине города, и несколько дней о нем ничего не было слышно. Наконец, он появился на главной площади с тележкой, груженной колокольчиками. Прозрачный человек снял шляпу, вежливо раскланялся во все стороны и сказал: „Меня зовут Тилинь. Я — колокольщик! Самые красивые колокольчики в мире“. Жители городка подошли к тележке и стали рассматривать колокольчики Тилиня. У них в городе был старый, большой колокол — Дон-Дон, но таких маленьких колокольчиков, как у Тилиня, они еще никогда не видели. Мигом расхватывали они товар у Тилиня и разбежались, а денег не уплатили. Они были скупы.

Обиделся на жителей Тилинь и ушел из их города. Но как только он скрылся за воротами, тотчас зазвенели все колокольчики: „Тилинь-Тилинь-Тилинь!“

„Донн-донн-донн!“ — вторил им большой городской колокол.

Колокольчики звонили день, два, три; остановить их было невозможно, а на четвертый пришлось измученным горожанам собрать свои пожитки и навсегда уйти из города. Так они были наказаны за свою скупость.

Рисунок П. Шаеца

Знакомы ли вам цветы и насекомые, изображенные на обложке? Какие цветы и насекомые встретились вам в эти майские дни?

Жду ваших рисунков.

За лучший рисунок — премия.

Уголёк

ЛЕСНОЙ ХОР

Александр Шибяев

Гудит, покачиваясь, бор —
Дереьев стройный ряд.
...Вот так поет на сцене хор,
Покачиваясь в лад...

А на опушке — старый клен.
Он сучья распростер
И машет ими, будто он —
Хормейстер. Дирижер...

Рисунок Т. Капустинной

ВСЕ НЕМНОГО РОДСТВЕННИКИ

Александр Крестинский

Катя пошла с мамой по грибы. Грибов не нашли, зато набрали на чернику. Налезь дочерня и еще собрали бидончик.

Устали. Сели на кочку отдохнуть. И вышел у них разговор.

— Мама, а у меня пра-пра-пра-бабушка была?

— Конечно, была.

— А еще раньше? Пра-пра-пра-пра-пра была?

— Конечно, была.

А еще раньше? Раньше всех! Была?

— Конечно.

— А кто?

— Ну, обезьяна была. Человек ведь от обезьяны произошел.

— Значит, все люди родственники?

— Ну, немножко, да...

— Значит, и Тарантаева — тоже родственница? Такая элюка!

— Нет, Катя, нет. Тарантаева просто соседка.

— Но ведь и она от обезьяны. Значит, родственница, — убежденно сказала Катя.

— Дальняя, очень дальняя, — сказала мама. — Такая дальняя, что и родства не видно.

— А все-таки родственница, — вздохнула Катя.

Когда подходили к дому, увидели бабушку. Она сидела у калитки в белой кофте, в белом платке, уютно сложив на коленях руки. Поджидала своих.

Катя засмеялась:

— Бабушка скажет: а где грибы? А мы скажем: а вот ягоды. Они родственники!

Рисунок Т. Солововой

7

ПОЛЕ

Поле.

Лес зеленый.

Роща вся живая.

Бабочки кружатся,
весело порхая.

Гусеницы ползают,
и жуки жужжат.
Вышел утром в поле
детский сад.

Малыши смеются,
а жуки жужжат.
Недовольны, что ли,
что пришел к ним в поле
детский сад?

Саша Милаяв, 3-й класс,
г. Волжский

Рисунок Т. Капустинной

3

АРЧЕБЕК

ЗА ТИТУЛ ЧЕМПИОНА!

Пятый тур чемпионата — это еще 10 очков для выхода в финал!

Перед вами, рыцари, две позиции для шахматистов.

А. Белые: Kрd7, Фh6, Сf8; черные: Крf7, Са1. Мат в три хода.

Б. Белые: Кра4, п. d4; черные: Крг3, п. d5. Кто выиграет, если туг ход белых? А если черных?

Теперь — позиции для шашистов.

А. Белые: а7, d2, f2, f4, g5, h2; черные: b4, b8, d4, e7, f6, h4.

Б. Белые: пр. а1, b2, с1, с3, d2, d6, e3; черные: Д а5, пр. а7, b8, g3, g7. В обеих концовках — победа белых.

КОЛОНКА РЫЦАРЕНКА

Расставь-ка фигуры — белые: Кра1, Фг2; черные Крb8, Фh7, Лb7, п. а7. Точно такое положение увидели Знай, Незнай и Полузнай на доске у двух игравших шахматистов. Тот, чьи были белые, думал над ходом.

— Смешно! — сказал Незнай. — Ему сдаваться надо. Ладьи у человека не хватает, а он думает. Смешно!

— А зачем сдаваться? Может, он нарочно думает, чтобы другому играть надоело. Тот встанет и уйдет, тогда и сдаваться не надо будет, — возразил Полузнай.

— Сдаваться тут не надо, но и думать не надо, — сказал Знай, — здесь мигом ничью можно сделать!

Почему он так сказал?

ЧУДЕСА

В ШАХМАТНОМ РЕШЕТЕ

Уважаемые рыцари! Я — всемирно известный факир-маг На Ду Валкин. Сегодня в АРЧЕБЕКЕ мое первое выступление. Прошу следить и убедиться — работаю без всякого обмана!

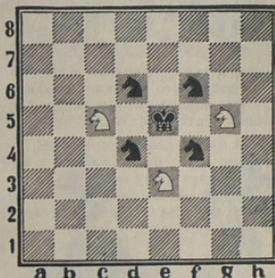
Беру обыкновенную шахматную доску.

Вынимаю из правого рукава четы-

рех черных коней и ставлю их так, как на диаграмме.

Вытаскиваю из левого рукава черного короля и ставлю его так, как на диаграмме.

Достаю из переднего кармана трех белых коней и снова ставлю их так, как на диаграмме.

Чего еще на доске не хватает? Если вы наблюдательны, уважаемые рыцари, то сразу скажете: белого короля. А посему я беру из заднего кармана белого короля и отдаю его вам в руки, вы сами поставьте его на доску — на поле а2. Поставили? А теперь — минутку...

Абь и Вэгед,
Чья же тут победа!

Все ясно: белые объявляют черным мат в два хода.

Кто сумеет это сделать, уважаемые рыцари?

ТРЕНИРОВОЧНАЯ КАБИНА

Хотите порешать задачи, не рискуя при неуспехе утратить турнирные очки? Двери тренировочной кабинки открыты — заходите!

Ответственный за сегодняшнюю тренировку — арчебековец Сережа

Орлов из Назарово. Он предлагает вам решить три свои задачи.

1. Белые: Крb7, Фh2, Сe1, Кс7, п. e6; черные: Крe7, Кг8. В этой задаче — мат в два хода.

2. Белые: Крb3, Фа8, Лg7, Кd6, Кf4; черные: Крд4, Ле8, Кс3, Кd8. В этой задаче — мат в три хода.

3. Белые: Крe6, Сb4, Кг6, п. b2; черные: Кра6, пп. а7, b6. А в этой задаче — мат в пять ходов.

Хорошей вам тренировки, доблестные рыцари!

КИОСК

МГНОВЕННАЯ СПРАВКА

— Как в записи ходов обозначается пат?

— Слово пат никаким знаком не заменяется. Пишут — пат.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 3 решаются так.

Шахматы. А. 1. Фf6! (с угрозой Фd8X). Если 1... С:f6, то 2. с8Ф+, а если 1... С:c7, то 2. Кf5.

Б. 1. Крb1! (угрозы нет, но у черных цугцванг, то есть такая позиция, когда им невыгодно делать ход) 1... Сh5 (другого нет) 2. Лg6!

Для рыцарят. 1. Сd6! Ф:d6 (приходить!) 2. Кf5+ и 3. К:d6.

Шашки. А. Если 1... ба7?, то 2. bc7! 3. dc3! 4. bc3 5. cb2X.

Б. Если 1... gh4?, то 2. gf2! 3. cd2X.

ПРИКАЗ № 5

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕК-КОМ, приказываю:

§ 1. Срочно объявляем о титуле чемпиона, а также рыцарям — отослать рапорты до 1 июля.

§ 2. Писать рапорты на почтовых карточках и отправлять их без конверта.

Шахмат-адмирал Ферзьбер

Домовому Демьяшу поручили охранять ночью коробку с 7 конфетами. Несколько раз пересчитав конфеты вечером, он запомнил, что

конфет в обертках было четное число, а конфет без оберток — нечетное. Ночь он проспал на печи, положив коробку под голову, а утром обнаружил, что конфет немного поубавилось. Причем в обертках было теперь нечетное число конфет, а без оберток — четное.

— Кто взял конфеты? — строго спросил Демьяша.

— Спи, это я съел все три конфеты, — сказал с раскладушки Гном-гастроном.

— О, не возводи на себя напраслину, — возразил со своей оттоманки звездочет Хуссейн. — Обе конфеты съел я, а обертку положил в свою коллекцию.

— Все вы ошибаетесь, — отозвался с лавки лесовик Висолапач. — Обе конфеты съел я вместе с обертками.

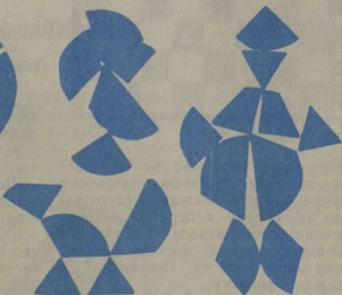
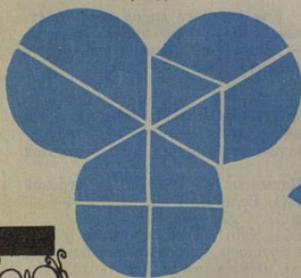
Домовой Демьяша, тронутый самоотверженностью и готовностью каждого взять вину на себя, тут же простил друзей, хотя сразу же догадался, кто из троих действительно съел конфеты.

Вы, ребята, конечно, тоже догадались, кто съел конфеты, какие и сколько. Правильно ли вы догадались, вы сможете проверить по ответу в следующем номере «Костра».

**СДЕЛАЙТЕ
САМИ
ИГРУ**

Волшебный ТРИЛИСТНИК

Из плотного картона или фанеры вырежьте или выпилите трилистник размером 8—10 см и разрежьте его, как показано на чертеже. Из частей трилистника, поворачивая и складывая их как угодно и совмещая, можно составить много веселых фигурок.

РАЗБОЙНИКИ

Известно немало историй о том, как высмеивал Александр Сергеевич

Пушкин продажных журналистов Греча и Булгарина. Вот одна из них.

На званом обеде (у книгопродавца и издателя Смирдина) великий поэт сидел напротив известного ханжи и святоши, цензора Семенова. Слева и справа от Семенова сидели Греч и Булгарин.

— Семенов, вы сегодня совершенно как Иисус Христос, — сказал Пушкин.

Гости расхохотались. Все поняли, что Пушкин имеет в виду евангельское предание о том, что слева и справа от Христа были распяты два разбойника.

СОДЕРЖАНИЕ

Здравствуй, Пушкин! <i>документальная повесть Всеволода Азарова рисунки А. Аземши и А. Харшака</i>	1
Страна Поэзия	8
Три-стоп! <i>сбор проводит Ю. Юркан оформление А. Януса</i>	10
Врешь, не возьмешь <i>повесть М. Мохова рисунки Т. Капустинной</i>	14
Мальчик с сердцем солдата <i>из воспоминаний Н. Федорова рисунки А. Гетманского</i>	25
У нас на Васильевском <i>очерк В. Блянова и Г. Георге рисунок М. Шретер</i>	28
Боевое крещение <i>рассказ В. Инфантьева рисунки Ю. Шабанова</i>	31
Волшебник с острова Танти <i>очерк Д. Перельмана</i>	35
«Мой первый друг...» <i>к 175-летию со дня рождения И. И. Пущина рисунки К. Севастьянова</i>	38
Зеленые страницы <i>ведет Н. Слаков</i>	40
Димитю воскресенье <i>рассказ В. Резника рисунки И. Харкевича</i>	42
Нечего на меня смотреть <i>рассказ А. Шибаева рисунок Г. Ясинского</i>	51
Честь мундира <i>рисунки Е. Аносова и О. Зуева</i>	52
Морская газета	54
Глиняная сказка <i>очерк И. Смольникова фото Дм. Варушина</i>	56
Разговор в школе чемпионов <i>записал М. Эстерлих рисунки А. Данилова фото М. Рыбака</i>	58
Уголёк <i>журнал для малышей</i>	61
Арчбек <i>шахматы и шашки</i>	63

ОТВЕТЫ

НА ЗАДАНИЯ № 4.

1. Оттиск сделан с печати VI.
2. Кроссворд. По горизонтали: 3. Агдам (Агдаш). 6. Ока. 7. Ока. 8. Всадник. 9. Дневник. 11. Двор. 13. Тбилиси. 15. Сито. 17. Сервантес. 21. Окно. 22. Никитин. 23. Мары. 24. Чаадаев. 26. Сервант. 27. Ива. 28. Ель. 29. Гость.
- По вертикали: 1. Огонек. 2. Мадрид. 4. Богатыри. 5. Машинист. 10. Пила. 12. Вторник. 13. Тегеран. 14. Иджеван. 16. Трактор. 18. Розмарин. 19. Тигр. 20. Аму-Дарья. 25. Восход. 26. Спарта.
3. Фраза на скворечнике: «Привет птицам».

Где же отряд «Искатель-2»? Последней его восточной была записка в гурни, найденная отрядом «Ассоль» (АГ-65). В записке говорилось, что отряд «Искатель-2», «починив найденный на берегу баркас», попытается добраться морем до бухты Тикси...

СООБЩЕНИЯ ЮНЫХ ГИДРОГРАФОВ

«Ведем поиск в районе моря Лаптевых. В бухте Тикси встретили тяжелые льды...»

Витя Аристов, отряд «Кристалл»

«Паковые льды не дают пробиться к бухте Тикси. Янский залив также забит льдами...»

Святослав Шубин, отряд «Арктур-б»

«Начали постройку модели гидрографического судна «Витязь», на котором будем выполнять морской поиск отряда «Искатель-2»»

Костя Жарков, отряд «Смелый»

**ЭКСТРЕННОЕ
 СООБЩЕНИЕ**

С вертолета специального судна «Фрам-2» в районе пролива Санникова в полосах тумана был замечен небольшой бот с людьми, идущий в восточном направлении...

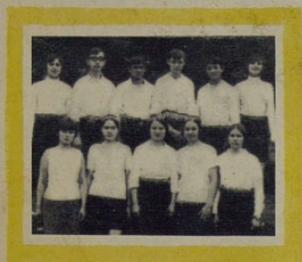
Штаб экспедиции предполагает, что замеченный бот принадлежит отряду «Искатель-2». Вероятно, из-за тяжелых льдов в бухте Тикси бот пробивается дальше, на восток...

Штаб экспедиции предлагает всем отрядам включить в план поисков Восточно-Сибирское море.

ПРИКАЗ № 3 ПО ЭКСПЕДИЦИИ „ГИДРОГРАФ“

1. Выполняя исследования Северного морского пути, отрядам ознакомятся с литературой о его освоении русскими и советскими моряками.
2. Сообщить в штаб сведения об условиях плавания в море Лаптевых и в Восточно-Сибирском море. Подробно доложить о глубинах, ледовой обстановке, солёности воды, навигационном оборудовании одного из этих морей, а также о растительном и животном мире этого моря и его прибрежной полосы.
3. Приступить к постройке модели корабля, на котором вы проведёте поиск отряда «Искатель-2». Модели можно высылать в адрес штаба до 31 октября 1973 года.

Экипаж эсминца «Безупречный», г. Карши Узбекской ССР

«Посылаю спичечные этикетки с изображениями советских научно-исследовательских судов, которые также выполняют гидрографические и океанографические работы.»

Слава Сорокин, отряд «Сатурн»

Рисунки А. Курушина

ГОЛТА ЭКСПЕДИЦИИ

*Можете ли принять в экспедицию меня одного?
 Георгий Каламников,
 село Каркан Кемеровской обл.*

В экспедицию зачисляем, но одному тебе будет трудно. Советуем держать связь с отрядом «Юпитер-1» (АГ-22) Володи Корольчука из города Кемерово.

Штаб экспедиции

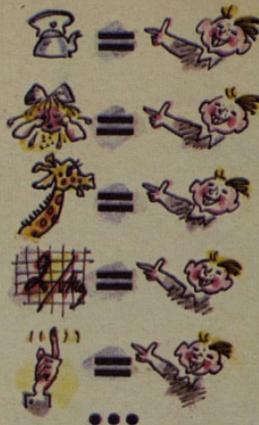
ПО ПИСЬМАМ
ЮНКОРОВ «КОСТРА»

Редактор сатирического листка Таня Тищенко (154 школа Ленинграда) жаловалась: «В классе объявили субботник. Девочки принялись за уборку, а мальчики отправились гулять... Некоторые мальчики остались в классе, но мешали выносить во двор мусор».

КОСТЯ ТЕРКИН удивляется:
«Ну и порядки в этой школе! Пусть виновники узнают себя в карикатуре».

Все карикатуры на этой странице по темам, которые вы предложили, нарисовал художник Ф. Нелюбин. С особым огорчением он прочел письмо Оли Р. из школы № 34 города Кемерово и сатирически изобразил сценку в буфете.

ПУСТОСМЕШКА

Ужасно весело ему.
Причина? Все равно:
Чихнул сосед, и потому,
Ой, как смешно ему!

Ползет ли муха по стеклу,
Стучит ли дождь в окно, —
Везде — за партой и в углу,
Ой, как ему смешно!

Что он хохочет? Не понять,
Но ясно всем одно:
Смеясь, сорвал урок опять, —
И Это не смешно!

КОСТЯ ТЕРКИН поясняет: «Тему стихотворения подсказала поэту В. Шумилину Валя Худоева. Она живет в деревне Захарово Сыктывдинского района Коми АССР. Наверное, не только в Валином классе есть пустосмешки?»

«Приятного аппетита!» — написано над входом в школьный буфет.

Но, как видно, к первоклассникам и второклассникам это пожелание не относится. Почему? Да потому что им не пробиться к столу ни за пирожками, ни за булочками.

КОСТЯ ТЕРКИН спрашивает: «Не стыдно ли вам, старшеклассники?» А к читателям «Школьного боевого» обращается с просьбой: «Посмотрите, нет ли в ваших школах таких же любителей силовых приемов?»

Зам. главного редактора Ю. А. Юркан

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова, Л. С. Кокорина, Ф. Л. Нафтутьев, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Л. Н. Пожидалева, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. И. Слачков, Н. В. Тереханская (ответственный секретарь), В. В. Торальгин, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова

Художник-редактор
М. С. Беломлиный

Корректор
В. А. Маевская

Технический редактор
В. И. Мецатумова

Рукописи и фотографии не возвращаются

Адрес редакции: 193015, Ленинград, Таврическая, 37, телефон 14-57-76

М-15753. Подписано к печати 21/IV-73 г. Формат 60×90 мм. Печ. л. 8+обл. 8,8 уч.-изд. л. Тираж 600 000 экз. Заказ № 234. Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном Комитете Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, Ленинград, 197101, Кровверская ул., 7.

Индекс 70445